

М. ЗАПЛАТИН

ВДОЛЬ КАМЕННОГО ПОЯСА

Седой Урал... Край лесов и гор, родина замечательных умельцев, открывших для народа сокровища Каменного пояса. Край с большой, интересной историей, край новых городов и заводов, край прекрасного будущего.

Красивейшие реки стекают с Уральских гор, прокладывая себе пути среди скал. Вишера, Колва, Чусовая несут свои воды мимо причудливых утесов, бушуют на порогах и перекатах. Величественные пихты, ели, сосны, кедры тянутся по берегам...

Такой Урал известен всем.

Однако Урал имеет и другой облик. Далеко к северу от его промышленных районов, между реками Печорой и Обью, лежит высокогорная область Приполярного Урала.

О путешествии в этот малоисследованный район и рассказывается в книге «Вдоль Каменного пояса».

Автор этой книги Михаил Александрович Заплати родился и вырос в Перми. Во время Отечественной войны служил в авиации, воевал. После войны закончил институт кинематографии и начал работать кинооператором.

Первая его книга «На гору каменных идолов» вышла в Перми в 1959 году. В 1962 году в Москве в издательстве «Искусство» М. А. Заплатин выпустил книгу «С кинокамерой вместо ружья».

Художник Ю. Лихачев

НАЧАЛО МАРШРУТА - КАЧКАНАР

О Качканаре теперь пишут много. Это одна из больших строек. Мне очень хотелось посетить эти места. Осенью 1957 года я видел здесь только палатки первых строителей. А теперь, говорят, там такой размах...

Итак, начнем наше путешествие с горы Качканар, одной из значительных вершин Среднего Урала. Побывать на ней нужно обязательно, ведь через несколько десятков лет она перестанет существовать, ее сравняют с землей.

Наша киноэкспедиция состоит всего из двух человек: я - кинооператор и мой ассистент Павел двадцатидвухлетний парень. Опыта далеких экспедиций у Павла еще нет, но путешествие заинтересовало его. Захотелось пройти по Уралу, побывать в таежной глухомани.

Павел вырос в семье, которая до некоторой степени оградила его от забот. Но я взял этого парня в экспедицию. Хотелось, чтобы он сам убедился - в путешествии невозможно бездельничать. Таежная жизнь заставляет трудиться: нужно уметь добыть пищу охотой или рыбалкой, нужно умело развести костер и приготовить еду, поставить палатку, укрыться от дождя, нужно уметь навьючивать и развьючивать лошадь или оленя, делать многое другое. Я был уверен, что все это Павлу пойдет на пользу.

Когда я выбираю себе спутника, то всегда сгущаю краски, умышленно рисую условия экспедиции более суровыми, чем на самом деле. Некоторые сразу пасуют. Другие не сдаются, дескать, «нас не испугаешь!». Таких я и брал. Что до Павла, так он смело согласился на трудное путешествие.

Каков теперь поселок Качканар? С этой мыслью мы ехали на автомашине от Нижней Туры до Валериановки. В 1957 году Нижнюю Туру и платиновый прииск Ис связывала обычная грунтовая дорога с выбоинами, грязными лужами и всеми другими «прелестями». Теперь мы ехали по широкому благоустроенному шоссе.

Я едва узнавал, скорее угадывал, места, по которым проезжал три года назад. Где-то здесь, под горой, в самой чаще леса, мы снимали осенние

пейзажи. Лесов в долине речки уже нет, они вырублены. Через речку, преградив ей путь, махнула высокая дамба. Здесь будет плотина. На сорок метров поднимет она уровень воды. Перед плотиной разольется большое водохранилище - Качканарское море, которое будет

снабжать водой обогатительную фабрику будущего металлургического комбината.

Внезапно лес кончается, дорога выходит на высокий обрыв, и перед нами - город с аккуратными двухэтажными домиками. Весь склон усыпан ими. Мелькают вывески: «Стадион», «Универмаг», «Кафе», «Дом культуры», «Техникум», «Книжный магазин», «Поликлиника», «Библиотека», «Фотография», «Детский сад», «Почта», «Сберкасса», «Часовая мастерская». Да, это настоящий город!

В гостинице мест нет - обычная городская история. Нам предлагают комнату в только что отстроенном доме. Вручают ключи. Не так-то легко найти нашу «гостиницу». Среди одинаковых новеньких двухэтажных домиков не мудрено и заблудиться. Наконец, находим дом и расстилаем свои спальные мешки на чистом покрашенном полу. Лучшего не надо и желать.

Наши соседи - демобилизованные моряки. Он» прибыли на стройку прямо с Балтики. Из их комнаты весь вечер раздаются музыка, смех, песни» Молодой, здоровый и крепкий народ! Сюда их прибыло 350 человек. Все молодцы, как на подбор.

В утренние и вечерние часы центральная улица Качканара полна народом. Сразу бросается в глаза - здесь очень много молодежи. Веселыми компаниями проходят девчата и парни, одетые в комбинезоны.

По соседству с городом строится большой металлургический комбинат. Главный инженер строительства Юрий Алексеевич Булатов рассказал, что гора Качканар состоит из скоплений железной руды, «приправленной» ванадием, платиной и даже золотом. Несмотря на сравнительно небольшое содержание железа, руда будет самой дешевой на всем Урале. Запасов ее хватит на несколько поколений.

В Качканаре мы провели пять дней, засняли в поселке все, что было нужно. И нам не терпелось совершить восхождение на вершину Качканара, заснять там причудливые фигуры выветривания. Возможно, эти сказочные болваны на вершине горы первыми попадут в плавильную печь...

К поселку Косья, в объезд горы, отправились на машине. Дорога шла через лес, по старой разрушенной лежневке. Близился вечер, а попасть на вершину нужно было еще до заката. Добравшись до поселка, избрали лучший вариант - подъехали к школе, из которой шумной гурьбой выбегали ребята.

- Кто знает дорогу на вершину Качканара?

- Я! Я! Я! - послышалось в ответ.

- Садитесь с нами, показывайте!

Трое мальчиков быстро забрались в кузов. Шофер Геннадий Каржавин на полном газу стал тихо подниматься по тропе в гору. Вскоре, однако, густой ельник преградил путь. Стали готовиться к пешему подъему.

- Ну, ребята, будем знакомиться.

- Коля Клещев, - отрапортовал первый.

- Чуриков Володя, - сказал другой.

- Кондырев Коля, - произнес третий.

- Очень хорошо. Покажите дорогу на макушку Качканара, а там, возле каменных столбов, заснимем вас на киноплёнку.

Ребята с интересом выслушали такое сообщение. Один из них тут же вызвался нести штатив, другой повесил на себя аккумулятор.

Кроме тяжелой аппаратуры, у нас был еще и запас еды: арбуз, колбаса и хлеб. Не нести же этот дополнительный груз на вершину! Дружно, вместе с юными проводниками съедаем припасы и начинаем подниматься в гору.

Долго тянулся подъем по горной тайге. Наконец, среди леса стали встречаться отдельные скалы. На первом же громадном утесе мы сделали привал для киносъёмки. Со скалы открывалась бесконечная даль. Внизу зеленел океан тайги. Между деревьями сверкали разливы реки Ис. Цепочкой игрушечных домиков раскинулась у подножья Косья.

Чем выше, тем скал становилось больше, а леса меньше. Вскоре тайга кончилась, и мы

очутились среди фантастических каменных глыб.

Вершина Качканара - это бастион причудливых останцев, напоминающих каменные идолы горы Мань-Пупы-Нёр, только уступающие им по размерам.

В очертаниях некоторых камней угадывались профили людей, фантастических существ, развалины древних замков и многое другое, что может подсказать человеческая фантазия. Эти чудесные создания природы поражали своей оригинальностью.

Наши юные проводники шумно стали карабкаться на макушки камней, проявляя при этом всю удачу своего возраста. Уж очень хотелось им показать, как они смелы.

В породе были отчетливо видны рудные включения. Ребята отбивали куски породы от камней, пробовали на вес. И в каждом, даже маленьком камешке чувствовалась тяжесть.

Наступили часы позднего вечера. Солнце торопилось скрыться за горизонт. Над холмистыми уральскими просторами загорелся живописный закат. При вечернем освещении все выступы на камнях становились еще более рельефными. Всю жизнь можно наблюдать закаты и каждый раз они будут по-своему интересны.

Солнце утонуло в дымке горизонта, словно окунулось в землю где-то там, в Пермской области. Наступили густые сумерки, а затем и темнота. На небе сверкнули первые звезды.

Ночью спускаться с Качканара страшновато. Перекликаясь, мы шли медленно, почти ощупью. Дремучий лес с торчащими среди деревьев каменными скалами был таинственен. Невольно вспоминались бажовские сказы. Казалось - вот сверкнет среди коряг и глыб яркий каменный цветок, выйдет из-за утеса Хозяйка медной горы и скажет:

- Какого лешего вас здесь носит впотьмах!..

Мальчики ушли вперед, вскоре их голоса затихли среди леса. Далеко внизу, в деревне, лаяли собаки, мычали коровы. Мы держали путь на эти звуки. Идти приходилось с вытянутыми руками, чтобы не поранить ветками глаза. В лесной тишине хруст сучьев под ногами звучал как-то особенно громко.

Наконец, где-то впереди сверкнул огонек. Наши мальчики развели возле машины костер, устроив своеобразный маяк. Это было приятным сюрпризом.

* * *

На другой день мы уже мчались по дороге на Исовский платиновый прииск. Мимо проплывали живописные уральские горы, старинные деревни.

Если кто-нибудь пожелает посмотреть «коренной» Урал, то нужно ехать в район горы Качканар. По дороге от Косьи до поселка Ис можно познакомиться с типичным уральским пейзажем, а в деревнях увидеть остатки ветхих столетних изб старателей. Все это очень напоминает места, описанные Маминым-Сибиряком.

В управлении Исовского прииска мы представились инженеру производственного отдела Геннадия Митрофановичу Двинину. Он рассказал нам историю прииска.

Ис - месторождение рассыпной платины. Прииск существует более ста лет, с 1825 года. Благодаря ему Урал до революции давал до 70 процентов мировой добычи этого металла. Особенно был знаменателен 1913 год, когда прииск дал 93 процента мировой добычи платины. Первые добытчики сняли «сливки», перемыли весь песок там, где была самая большая концентрация металла. Но в земле платина все-таки оставалась. Чтобы взять драгоценность полностью, нужна была сложная техника.

В тридцатых годах на реке Ис появилась первая драга, которая здравствует и поныне. Крепкие ковши драги загребают породу, которая уже не один раз прошла через старательские руки. На старинных отвалах давно шумит лес. Драги заново перебивают эти отвалы, продолжая извлекать платину и золото.

Плавающие «фабрики» - драги - выгодно применять там, где сравнительно легко можно устроить запруды. Но там, где это сделать нельзя, выгоднее другой способ.

За поселком Ис, среди молодого леса, расположен участок гидравлической добычи.

Огромный котлован, вымытый водой в земле, заполнен трубами, насосными устройствами, гидромониторами с дистанционным управлением. Гидромониторы мощными водяными струями бьют в обрыв. Огромный кусок земли падает вниз, вода продолжает дробить его, превращает в жижу. Мерно покачиваясь, разбрызгивая водяную пыль, гидромониторы крошат породу, постепенно углубляясь все дальше в лес.

Обрыв, в который бьют струи мониторов, весь состоит из слоев: сверху - слой перегноя, ниже - песок, потом глина и снова красноватый песок. Опытный глаз добытчика видит, где, в каком слое находится драгоценный металл. Этот слой имеет свои особенности, известные только им, мастерам платинового промысла.

Над струями постоянно висит радуга. Несколько поодаль, под маленьким козырьком у пульта сидит человек и с помощью рычагов управляет гидромониторами. Это и есть дистанционное управление.

Порода, превращенная в жижу, с помощью мощных насосов по трубам подается на бутары, где и улавливают платину.

В конце августа 1961 года у реки Ис нашли самородок платины в 802 грамма. Давно не знали такой удачи на Исовском прииске. В далеком прошлом именно здесь, на старейшем уральском месторождении, был найден крупнейший в мире восьмикилограммовый платиновый самородок.

ГОРОДА УРАЛЬСКОГО СЕВЕРА

Впереди на нашем пути замечательный промышленный район Северного Урала с известными на весь мир городами: Карпинском, Краснотурьинском, Североуральском.

Промышленная история этого района немолода, но города совсем юные. Они возникли за годы Советской власти на месте старых рудников и заводов. В 1941 году рабочий поселок Богословского рудника стал городом Карпинском. В 1944 году из поселка Турьинских рудников был создан город Краснотурьинск. В этом же году на месте поселка Петропавловского возник и Североуральск.

Это самый северный из густонаселенных районов Урала. Если в сумерках забраться на вершину сопки, то откроется океан огней - тысячи светящихся точек, колеблющихся, словно живых, то вытянутых в длинные пунктирные линии, то собранных в сплошные световые пятна. Даже облака ночью подсвечиваются этими огнями. Как будто горит земля в огромной котловине под восточными отрогами Уральского хребта.

Потребовалось всего несколько часов, чтобы со станции Выи добраться до Краснотурьинска. Сразу бросается в глаза исключительно живописный индустриальный пейзаж. На окраине светлого, чистого молодого города возвышаются стройные трубы алюминиевого комбината. И дымят-то эти трубы как-то по-особенному, интересно, красиво.

Станцию от города отделяет огромный пруд, на другом берегу которого выстроились многоэтажные жилые дома. Миновав мост, попадаешь в город. Вдоль улиц посажены молодые деревца. Всюду чисто, опрятно. Краснотурьинск прямо-таки поражает красотой нового социалистического города. Что сказал бы изобретатель радио А. С. Попов, если бы взглянул сейчас на свой родной город? Можно представить удивление нашего великого соотечественника!

Да, прекрасен новый город на Северном Урале. Неузнаваемо преобразился он с тех времен, когда в нем жил Попов. До наших дней сохранился маленький район старого Турьинского рудника с почерневшими избами. Их сносить не собираются. Стоят эти домики как памятники старины. В этом районе находятся два музея. Один из них - дом, в котором жил великий изобретатель радио. В другом доме - музей, созданный известным русским минералогом Евграфом Степановичем Федоровым. Здесь хранится более двух тысяч образцов минералов.

Нам не терпелось как можно скорее запечатлеть на киноплёнку красавец город, весь его живописный облик. В профессии кинооператора очень важно по-настоящему заинтересоваться тем, что снимаешь, проникнуться симпатией к снимаемому объекту.

Тогда ты невольно стараешься вложить в съёмку все свое умение.

Чудесный вид открывается на Краснотурьинск с так называемой Воронцовской горки. Сюда, к скальным обнажениям, часто приходят школьники, разводят костры и любят родным городом. Ребята знают, что их город красив и знаменит. Они гордятся им.

Каждый старается отыскать свой дом, свою квартиру и показать пальцем. Спорят наперебой:

- Вот наш дом!

- А мы в тех окнах живем!

- А наш дом выше всех!

- Нет, это наш дом выше!

Ребята так увлеклись, что не замечают, как попадают в кадр...

Мы торопились дальше на север. Нам нужно было успеть захватить осеннюю пору, золотой сезон, одно из лучших времен года. В Сибири и на Урале осень чудесна. Хороша она и в средней полосе России, но на Урале - лучше.

По соседству с Краснотурьинском раскинулся город, названный именем первого президента Академии наук СССР А. П. Карпинского. Бывший Богословский рудник является родиной крупнейшего ученого-геолога. Сохранился дом, где он жил в детстве. В стороне от старого поселка на многие километры вытянулись кварталы белых многоэтажных домов. А сам поселок, как памятник далекой старины, стал окраиной большого молодого города.

От Карпинска в сторону Волчанска через тайгу проложена трамвайная линия. Странно, непривычно ехать на трамвае среди лесов. И расстояние не маленькое - восемнадцать километров.

Не доезжая Волчанска, справа от дороги - большой карьер. На всех концах его кипит работа. Тяжело нагруженные составы то и дело увозят каменный уголь. Мы спустились по длинным деревянным лестницам и подошли к одному из составов. Два тяжелых экскаватора черпали уголь из мощного пласта и ссыпали его на открытые платформы. Несколько минут, и большая платформа насыпана доверху. Паровоз не застаивается, он все время под парами; через короткие промежутки времени приходится подталкивать к экскаваторам следующие платформы.

Черпать уголь прямо с поверхности земли выгодно и удобно. Шахт не требуется! Не нужно вгрызаться глубоко в подземелье и готовить тысячи кубометров леса для подпорных стоек. Не нужны вентиляционные устройства и выкачивающие воду установки.

Вдали, за Волчанском, на горизонте, волнистой линией тянутся горы. Они уходят далеко на север и там замыкаются гигантской грядой Денежки-на-камня. Туда, на север, лежал наш дальнейший путь.

По соседству с карьером, среди леса, раскинулся очень опрятный поселок, состоящий из одинаковых двухэтажных домиков. Со стороны они кажутся почти игрушечными. Здесь живут волчанские горняки. Поселок аккуратно озеленен, несмотря на то, что под боком настоящая уральская тайга. Чувствуется, что здесь хорошие хозяева города, которые не пренебрегают природой, а бережно относятся к ней.

НАД ЗАПОВЕДНОЙ ГОРОЙ

Каждый путешественник в душе - первооткрыватель. наших туристов не особенно заманишь в места, уже известные всем. Нет-нет, им подавай неизведанные, глухие уголки, где они будут чувствовать себя пионерами. Им нужны приключения, а не простые экскурсии. Они предпочитают ходить самостоятельно, а не пользоваться услугами экскурсоводов...

На нашем пути известная гора Денежкин камень. Что интереснее: совершить поход на эту гору или взглянуть на нее и окружающие окрестности с более значительной высоты, ну, скажем, с вертолета или самолета?

Не хотелось ограничиться съемкой туристского восхождения и пейзажами, открывающимися с вершины Денежкина камня. Хорошо было бы взглянуть на Урал более широким взглядом. Для этого нужно пролететь на самолете от Серова до Ивделя, мимо заповедной горы.

Иногда интересно и полезно совершить маленькое воздушное путешествие, чтобы увидеть земные просторы, ощутить бесконечные дали. Ведь недаром мы любим с высоких вершин горным пейзажем. Есть в таких пейзажах нечто гордое, величавое.

Вскоре мы перебрались из Волчанска на серовский аэродром. Нам повезло. На аэродроме находился самолет ЯК-12, прилетевший из Ивделя и собирающийся в обратный рейс. Пилот оказался на редкость приятным человеком, молодым и веселым.

Как только мы взлетели и набрали высоту, стало ясно, что наше решение пролететь над городами Северного Урала к Денежкину камню - было правильным.

- Смотрите, какая красота! - крикнул пилот. Я кивнул головой. По плечу меня хлопает Павел и тоже кричит прямо в ухо:

- Красота!

Впереди, на горизонте, среди цепочки Уральского хребта четко вырисовывался массив Денежкина камня. А под нами проплывало зеленое море тайги. Лишь впереди виднелось светлое пятно. Это Североуральск.

Мы пролетаем над городом. В нем так же, как в Карпинске, четко отделены новые кварталы от старого поселка.

Из Североуральска обычно начинаются экскурсии по государственному заповеднику Денежкин камень, созданному в 1946 году. Один из главных туристских маршрутов проходит по горной тайге, вдоль берегов и ручьев, и завершается восхождением на вершину Денежкина камня (1493 метра). С вершины заповедной горы открывается величественный вид на леса, раскинувшиеся зеленым морем на востоке, и на лежащий к западу Главный Уральский хребет.

«Наземный» путь к Денежкину камню очень интересен. Но мы предпочли взглянуть на заповедные места с воздуха. Впереди нам еще много раз придется совершать восхождения на вершины гор...

- Толя, вы можете подлететь прямо к вершине?

- А почему же нет!

Самолет приближался к горе. Перед ней расстился зеленый ковер лесов. В окуляре кинокамеры были видны весь массив Денежкина камня и огромные просторы перед ним.

В тайге под нами стали заметны лесистые холмы. Они становились все выше и выше. Скоро зеленый лесной ковер взял круто вверх, к покатою, давно облысевшей вершине. Своим голым куполом она упиралась в нижнюю кромку облаков.

Перед нами Денежкин камень. Вот он совсем рядом. Тайга, карабкавшаяся по склонам вверх, внезапно оборвалась, осталась внизу. К ней мощными потоками спускались кварцитовые россыпи. Мы летели теперь прямо на небольшие скальные обнажения на южном склоне.

Перед самой вершиной пилот сделал крутой разворот. Машина чуть ли не вертикально уперлась крылом в тайгу. Казалось, вот-вот она скользнет вниз. Горизонт завалился. Я включил кинокамеру. В кадре совсем рядом проносились безлесные отроги массива и подступавшая к ним снизу тайга. Среди леса мелькали серые скалы.

Толя закончил разворот и повел машину на запад, в облет Денежкина камня. Я выключил камеру и показал пилоту большой палец: кадр - во!

Откуда произошло это странное название горы- Денежкин камень, никто не знает. Под этим именем она известна уже давно. Может быть, существует какая-то связь с теми мнимыми сокровищами, которые гора таит в себе? Первые «пришлые» люди, заселяя Урал, вероятно, лелеяли мечту заработать «деньгу», «денежки», и поэтому окрестили таким ласковым названием одну из здешних гор.

Впереди на оранжевом предвечернем небе вырисовывалась горная страна. Это был Главный Уральский хребет.

Слева от нас, между зелеными вершинами, маячили два небольших селения Супрей и Сольва. Мы пролетали границу Пермской области.

Кстати сказать, северо-восточная часть области очень гористая и живописная. Здесь сосредоточены хребты Кваркуш, горы Белый Камень, Мартай, Ишерим и другие. Это край еще нехоженых троп.

Я оглядываю с самолета всю местность до горизонта. Вот она, вся подо мной. Сколько еще совершенно пустынного пространства! Какие величественные горы, таящие в себе неразгаданные сокровища! А сколько лесов! Это же хвойный океан!

Мы летим вдоль горной гряды, уходящей далеко на север. Вершина Денежкина камня все время справа. Восходящие потоки воздуха то резко подбрасывают самолет вверх, то обрушивают вниз. Я иногда с трудом удерживаю камеру в руках.

За окном проплывают северные склоны заповедной вершины. Они более суровы, безлесны, чем южные. С южного склона тайга ближе подбирается к макушке Денежкина камня, а здесь сплошные кварцитовые россыпи, которые, кажется, смели лес к самому подножию горы. Судя по тому, как мотает наш маленький самолет, можно предполагать, что здесь свирепствуют сильные ветры.

Еще несколько минут, и мы почти замыкаем круг над заповедным массивом. Пилот наклонился к моему уху:

- Не пора ли домой?

- В Ивдель?

Он кивнул головой.

- Да, пожалуй, хватит.

Я уложил киноаппарат. Пилот направил машину в сторону больших озер, поблескивающих впереди. Он показал мне на удаляющийся Денежкин камень. Вершину горы постепенно окутывали облака. Из-за хребта надвигались темные тучи и все больше закрывали гору. Вовремя же мы улетели оттуда!

* * *

Северное Зауралье - край необъятных таежных просторов. Все пространство между Уральским хребтом и рекой Обью - необозримое лесное царство. На сотни километров

протянулась равнина, заросшая дремучей тайгой. Земля обильно напитана водой бесчисленных таежных озер и болот.

И вот в этих глухих местах, где еще живут отголоски легенды о Золотой Бабе, должна пройти новая железная дорога. Через таежную безлюдную пустыню и тысячи болот!

Тюменская тайга сотни лет была забытым медвежьим углом. Хорошо ее знали только охотники - манси и ханты. И вот безмолвие тайги нарушил грохот мощной техники. Тысячи грузовых автомашин, тракторов и бульдозеров, управляемых сильными руками, стали упорно продвигаться через болота и тайгу, возводя насыпь. За ними идут путеукладчики. Стальная лента все дальше и дальше углубляется в тайгу.

Дорога пройдет от Ивделя до поселка Нары-кары на Оби. Длина магистрали 446 километров. И на всем ее протяжении встретится только одна деревня - Вершина, на реке Пелым.

Да, много препятствий поставила природа на пути строителей. Говорят, еще ни одна из железных дорог не строилась в таких трудных условиях.

Почему возникла острая необходимость создания этой железной дороги в местах, совершенно не обжитых человеком? Давно известно, что тюменская тайга - это богатство, но богатство слишком дорогое. Слишком длительна и трудна перевозка здешнего леса. Дорога была очень нужна лесозаготовителям.

Однажды в районе города Березова при бурении скважины совершенно неожиданно забил фонтан природного газа. Было открыто крупнейшее месторождение. Первое месторождение газа в Сибири! Но там, где газ, там должна быть и нефть - так говорят геологи. Они начали более целеустремленные поиски. И вот нефть хлынула из скважины в долине реки Конды, у села Шаим.

Лес, газ, нефть - три природных сокровища. Понятно, почему строительство железной дороги стало делом срочным.

Стальная магистраль уже далеко врезалась в тайгу. Появились новые станции: Лявдинская, Оус, Кершель, Пелым. Маленькой точкой на карте обозначен сейчас поселок Нарыкары, на берегу Оби. Но скоро здесь будет большой промышленный пункт, который свяжет низовья великой сибирской реки с индустриальным Уралом. Новая жизнь придет в таежную глухомань.

Мы пролетели на вертолете над всей трассой от Ивделя до Вершины. То, что «видел» объектив киноаппарата, - это грандиозно. Сплошной зеленый ковер с тысячами озер, болот и речек прорезала прямая, как стрела, песчаная насыпь будущего железнодорожного полотна.

Сейчас Ивдель - скромный городок на севере Свердловской области, но скоро он преобразится. Об этом дает знать его беспокойный пригородный сосед - Першино, откуда начинается трасса новой дороги Ивдель - Обь.

Ивдель стоит на древнем пути в Сибирь. В восьми километрах от города, у слияния рек Ив-дели и Лозьвы, находился городок Лозьвинск - таможенный пункт на этом пути. Городок существовал с 1589 по 1597 годы.

Любимым местом жителей и приезжих туристов являются скалы на берегу реки Ивдель, в километре от города. Красивыми утесами они выступают из лесистого берега и отвесно обрываются к воде. Под ними шумит горная река. С вершины скал открывается вид на город и окрестности.

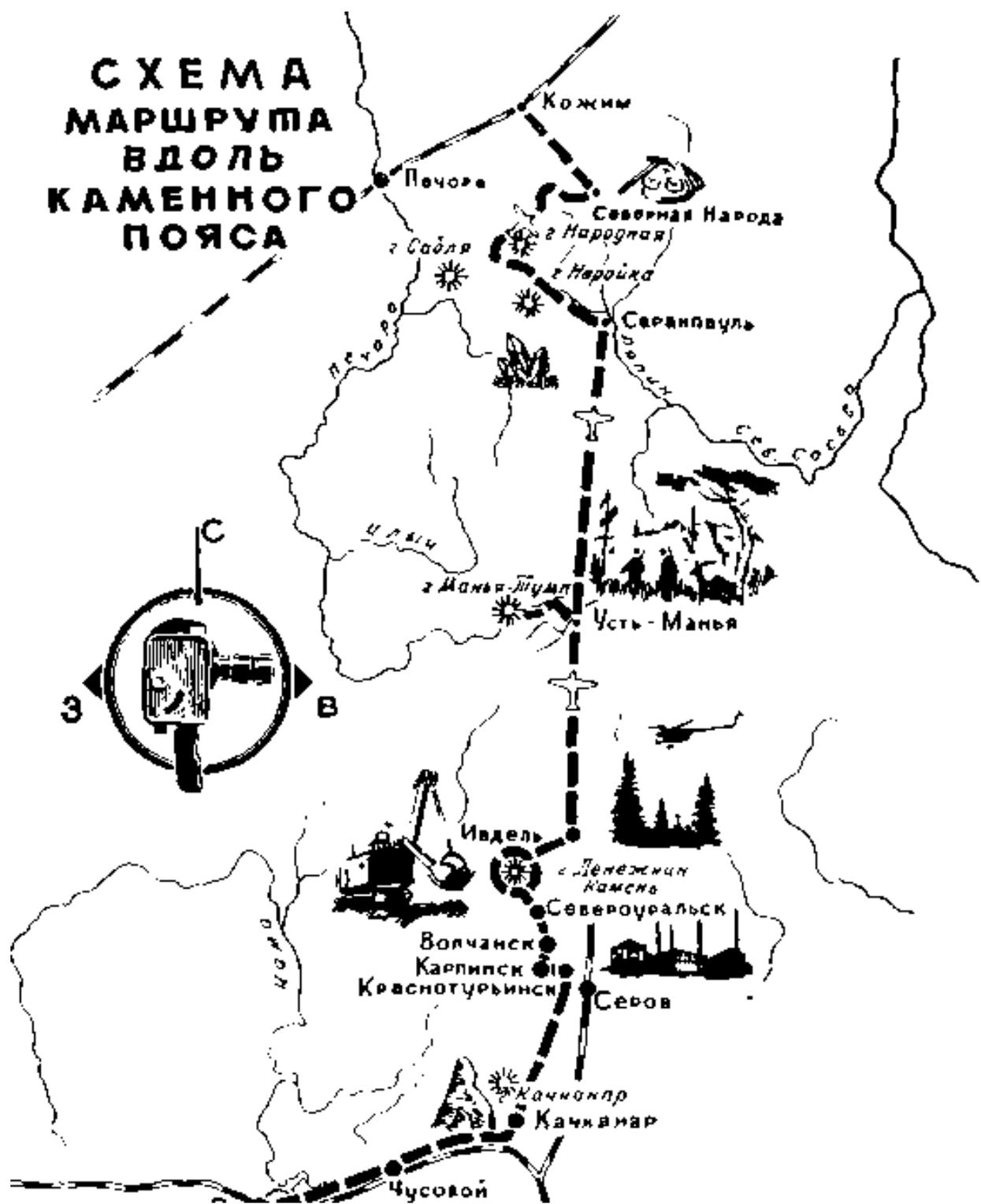

В ДЕБРИ ЛЕСНОГО УРАЛА

И вот, как три года назад, самолет АН-2 поднял нас в воздух. Мы летели в Усть-Манью, знакомую мне далекую деревушку на Северной Сосьве. Под крылом самолета проплыла забитая бревнами река Лозьва. Вскоре исчезли признаки человеческого жилья. Мы углубились в лесное царство.

Деревушка Усть-Манья оставила у меня самые лучшие воспоминания. Отсюда я совершил мое первое путешествие к истоку Печоры, к каменным болванам на горе Мань-Пупы-Нёр. Не так легко забыть первые острые таежные впечатления, несмотря на то, что после этого я побывал в тунгусской тайге, в местах, связанных с падением Тунгусского метеорита, в горах Северного Забайкалья, за Витимом, а также в Арктике и других местах.

СХЕМА МАРШРУТА ВДОЛЬ КАМЕННОГО ПОЯСА

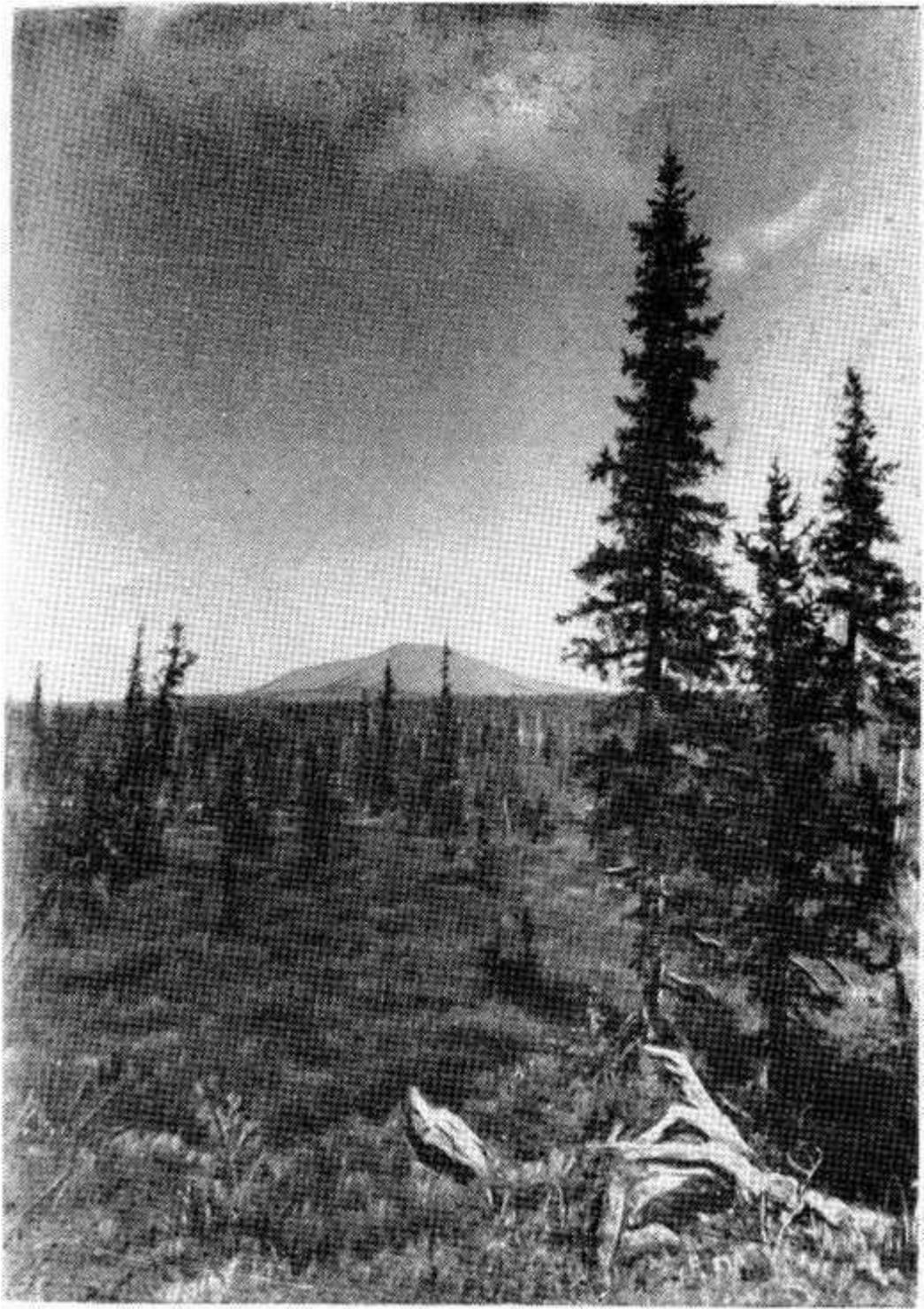

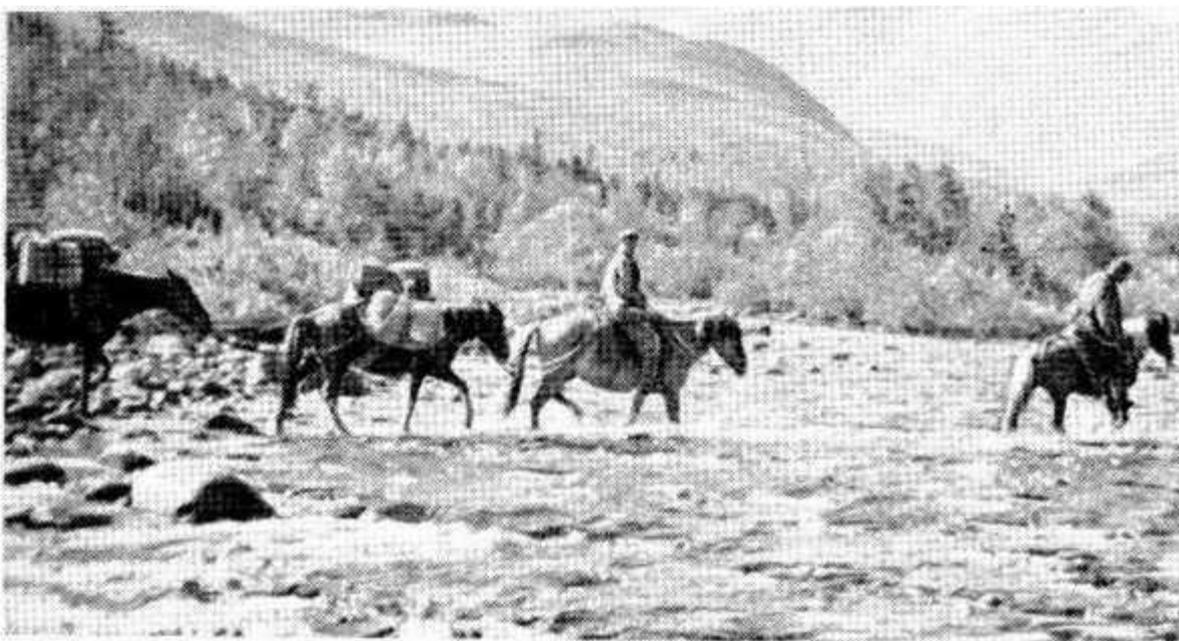
На вершине горы Качканар.

Река Северная Соева.

Гора Иохт-Хури в районе прохода через Уральский хребет к реке Егре-Ляге.

Переход через реку Щекурью.

Таяжные трофеи.

Я вышел из самолета с каким-то внутренним трепетом, как будто прилетел на родину после долгого

отсутствия. Внимательно огляделся. Все та же природа, все тот же шум Северной Сосьвы. Вот и домики геологической партии. Только нет теперь ее здесь: переведена в Ивдель.

Мы с ассистентом накрыли аппаратуру брезентом и пошли в деревню. Не терпелось узнать, жив ли мой прежний проводник Петр Ефимович Самбиндалов. По пути зашли в один из домов геологического поселка, где три года назад простились с проводником. Я разыскал комнату, которая была предназначена для приезжающих.

Знакомые стены напомнили мне то утро, когда старик манси пришел в эту комнату за расчетом. Он принес тогда в знак уважения подарок - завернутого в тряпку тайменя. В ответ мы отдали ему чайник, котелок, топоры, порох и дробь. От всей души поблагодарили Петра Ефимовича за услуги, оказанные экспедиции. На прощанье он отвел меня в сторону и шепотом сказал:

- Приезжай еще раз. Пойдем Тозамтоуя. Там глухарь много есть.

Не всякому сообщит старый охотник такой секрет. Еще в тайге проводник называл мне эту речку и робко намекал, что там много глухарей. Было понятно, что, кроме него, на нее никто не ходит...

Комендант временно пустующего геологического поселка разрешил нам остановиться в нашей старой комнате. Теперь можно было наводить справки о проводнике.

В деревне мы узнали, что Самбиндалов жив и здоров. Сын купил ему новое ружье, и старик продолжает ходить на охоту. Хотя он и пенсионер, но почти всегда помогает колхозу на сенокосе. Вот и сегодня косит сено по берегу Маньи, где-то за камнем Суин-Керас. Нам сказали, что через два дня он будет в деревне. Все эти известия меня очень обрадовали.

Незаметно прошли два дня. На третий день утром мы явились в деревню. Возле домов, которые тянулись вдоль берега Северной Сосьвы, стояло несколько групп манси и коми. Они о чем-то бойко разговаривали. Еще издали я увидел среди них статную фигуру мужчины с косичкой. Да это же наш старый знакомый Монин! Он первый улыбнулся, узнав меня.

- Здравствуйте, вы снова к нам? Видно, понравилось?

- Очень!

Жму ему руку, а сам ишу глазами своего старого проводника. Монин замечает мой взгляд:

- Вам Самбиндалова?

Он крикнул что-то по-мансийски в сторону второй группы людей. От них отделилась маленькая фигура. Сердце мое забилося чаще.

К нам шел Петр Ефимович Самбиндалов. Монин продолжал что-то громко по-мансийски говорить в его сторону. Старик подошел, остановился, обвел нас безразличным взглядом, потом сказал что-то Монину, тот ответил ему. После этого Петр

Ефимович как-то весь вдруг изменился, бросил быстрый взгляд на меня, и лицо его расплылось улыбке. Он вытянул обе руки вперед и направила ко мне:

- Здравствуй, начальник!

Я почувствовал, как глаза мои увлажнились.

- Здравствуй, Петр Ефимович, здравствуй, дорогой!

К нам подошли все манси и коми, которые были! на берегу. Старик что-то оживленно говорил, среди мансийских слов часто повторялось «Мань-Пупы-Нёр». Было ясно: у старика осталось приятное воспоминание о нашем походе к истоку Печоры.

Мы сели с ним на лавочку возле дома.

- Мань-Пупы-Нёр пойдешь опять? - спросил он.

- Нет, Петр Ефимович, пойдём в тайгу.

- Чево делать будешь?

- Снимать глухарей, лес, горы. Помнишь, ты приглашал меня на Тозамтоую?

- Хорошо, хорошо... Как далеко пойдешь?

- До горы Манья-Тумп, а может быть, дальше- к Уралу. Пойдешь с нами, Петр Ефимович?

Он посмотрел на меня внимательно, подумал и, почесав затылок, сказал:

- Пойдем, пойдём...

На душе сразу стало легче...

Я объяснил старику, что мы пойдем сначала по Манье, потом выйдем на тропу Лебедзинского - это наш старый путь. Но с какого-то участка тропы Лебедзинского - его, конечно, знает Петр Ефимович - мы должны свернуть в сторону таежного озера Суртым-Тур, с него опять на Манью, к устью

Тозамтоуи, а по ней к Уральскому хребту, в район горы Манья-Тумп.

Петр Ефимович выслушал меня до конца и с искренним удивлением спросил:

- Ты чо, начальник, ходил ли чо ли Тозамтоуя?

Старые манси не пользуются картами, да й не умеют ими пользоваться. Они просто запоминают тропы. Помнится, как Петр Ефимович вел нас по пути, которым ходил десять лет назад. Он часто останавливался, присматривался к местности и потом, узнав или припомнив направление, шел дальше. Зрительная память исключительно развита у этих таежных людей.

Мы долго еще рассуждали о предстоящем походе, договаривались об условиях и закончили тем, что выйдем в тайгу завтра утром.

Не буду описывать наших сборов: они обычны и известны каждому. Брали самое необходимое: сухари, сахар, чай, соль, крупу, сухое молоко, ружья, патроны, фотоаппараты, запас пленки и кино съемочную камеру. Все это нужно было нести в рюкзаках. По примеру Петра Ефимовича на этот раз отказались от палатки и спальных мешков. Спать летом в тайге под открытым небом - одно удовольствие. В крайнем случае можно всегда соорудить шалаш. Из спальных принадлежностей прихватили с собой лишь легкие брезентовые чехлы от спальных мешков.

Мы условились со стариком, что завтра зайдём за ним, когда будем проходить мимо его дома. Но утром у нас в комнате неожиданно появился сам Петр Ефимович.

- Что случилось? - забеспокоился я.

- Покажи груз, начальник.

Я показал на два пузатых рюкзака. Старик попробовал их на вес:

- Однако тяжелый, надо олень.

Не говоря больше ни слова, он взял оба рюкзака и понес их из комнаты. Мы пошли за ним. К нашему удивлению, у крыльца стоял небольшой северный олень. На спине его уже были навьючены маленький мешок и ружье хозяина. Старик стал прилаживать к вьюку и наши рюкзаки.

Я молчал, растроганный добротой старика. Он проявил к нам большое уважение - взял в поход своего собственного оленя, чтобы везти наш груз.

Возле оленя сидела белая собака. По обрубленному хвосту я узнал четвероногого спутника старика- Палья. Состарился, одряхлел пес, но, видно, продолжал неотступно следовать за хозяином.

- Паль!

Пес повернул голову.

- Ты что, забыл, как на глухарей охотились!?

Паль нехотя встал и, виляя хвостом, подошел.

Принюхиваясь, он лениво помахивал обрубком хвоста и пристально смотрел мне в глаза, как будто вспоминал: «Где это я видел тебя, человек?» Не мудрено: прошло три года. Понюхав еще раз мои ноги, он сильнее замотал хвостом. Глаза его стали добрыми. Узнал!

Между прочим, собаки у северных народов и у сибирских жителей очень добродушные. Они не лают по-пустому, как наши дворняжки, и не бросаются на незнакомца. Лежит посреди деревни огромная собачина со страшной мордой, этаким лев, вроде спит, а одним глазом следит за тобой. Обойти его, кажется, нельзя. Идешь мимо и душа в пятки: «Вот бросится сейчас!» А он проводит тебя одним глазом и не моргнет.

К СВЯЩЕННОЙ ГОРЕ

После полудня мы отправились. Впереди шел Петр Ефимович и вел за узду оленя с колокольчиком на шее. Рядом с ним семенил верный друг старика - пес Паль. Следом шли мы, увешанные ружьями и фотоаппаратами.

Вышли к тому месту, где быстрая Манья впадает в Северную Сосьву, и направились вдоль берега в глубь тайги. Шли самым удобным путем - по берегам Маньи. Лучше десять раз переходить вброд реку, чем идти по таежным болотам по колено в грязи.

К вечеру второго дня мы достигли своей старой стоянки, на берегу речки Мазыпаты. Отсюда двинулись по тропе Лебедзинского. Она совсем заросла. Никогда бы и не узнать былой дороги, если бы срубленные великаны сосны не напоминали о старинной просеке.

Когда кончился сосновый бор после Мазыпаты, старик снова повел нас к долине Маньи. Начались болотистые низины. Мы направились к озеру Суртым-Тур. Я видел это озеро с Уральского хребта, когда мы ходили на исток Печоры. Большой круг его блестел среди зеленого океана тайги. Показывая на него, Петр Ефимович говорил тогда:

- Это Суртым-Тур. Там утка много есть.

Он снял с плеча ружье, приложился к нему и, отвернув лицо в сторону, добавил:

- Так стреляй - много убивай.

- Так мы зайдем туда, Петр Ефимович!

- Э-э-э, дорога шибко худой: болото.

Теперь мы шли к этому озеру по едва заметной тропе. Дорога действительно была «шибко худой». Прыгали мы с кочки на кочку, из лужи в лужу, ноги до колен вязли в отвратительной темно-коричневой жиже. В воздухе не умолкала гнусавая комариная симфония.

Особенно доставалось нашему оленю. Его панты были буквально облеплены комарами. Животное отфыркивалось от насекомых, которые назойливо лезли ему в ноздри.

Комары - это бич тайги. Известный исследователь Северного Урала Э. Гофман писал в 1856 году: «Приятно жить в горах, но комары, комары!.. Они уничтожают почти всю прелесть этой жизни».

Болоту, казалось, не будет конца. Приходилось то и дело выливать из сапог грязную жижу. Неожиданно нахмурилось небо, откуда-то нанесло тучи, заморосил мелкий дождь.

От дождя быстро сыреет тайга. Лужи образуются там, где в солнечную погоду обычно сухо. Постоянные болота, наполнившись водой, становятся еще непроходимее. Мы идем следом за стариком, собирая на себя влагу с мокрых листьев. Через полчаса промокли до нитки. Комаров становилось еще больше. Тучами вьются они над нами, лезут в уши, за ворот, кусают руки, лицо. Комару маленький дождь нипочем!

На болоте уверенно продвигался лишь олень. Там, где мы проваливались по колено, копыта животного только слегка придавливали землю и не тонули. Когда олень ступает на мягкую болотистую поверхность, ступня раздвигается на четыре острые конечности, копыто как бы начинает стоять на четырех широко развинутых точках. Таким образом олень превосходно держится даже на зыбких местах болот.

Впереди между деревьями заблестела водная поверхность озера. Но старик отвернул от него в сторону. Не упуская из вида Суртым-Тур, мы прошли еще километра два и остановились на берегу ручья, текущего из озера в Манью. Здесь было сравнительно сухо. К тому же и дождь перестал.

Развьючили оленя. Петр Ефимович привязал к его шее баклажку, которая, путаясь в ногах, мешала бы ему быстро передвигаться. Так он не уйдет далеко от нашего лагеря.

Как приятно после трудного перехода развести костер, обсушиться! У костра оживает человек. Все таежные невзгоды забываются, как только разгорается чудодейственный огонек. Ну, а кружка горячего чая буквально воскрешает путешественника: к нему возвращается веселое настроение, работоспособность, - появляется разговорчивость, желание шутить.

На таежном костре чай готовят очень крепким. Не знаю, вредно или нет пить крепкий чай, но после трудных переходов по тайге и горам именно крепкий чай спасает от усталости, утоляет жажду и добавляет силы.

Под вечер погода наладилась. Заходящее солнце оранжевыми лучами осветило тайгу. Наступило приятное вечернее затишье. Дым от костра расплзался по низинам. В кустах вдоль ручья засвистели рябчики.

Всю ночь у костра урчала собака: в тайге ходил медведь.

* * *

Солнце еще не поднималось из-за леса, когда старик разбудил нас.

- Вставай надо. Утка много Суртым-Тур.

Снова чайник висит над костром. Мы готовим снаряжение, кинокамеру, фотоаппараты, ружья. Петр Ефимович сообщает:

- Моя слушал, утка крякал много.

Предупреждаю его:

- Если на озере есть лебеди, стрелять не надо: мы будем снимать.

- Ладно. Будем снимать, - сказал он, посмотрев внимательно в сторону озера, и, почесав затылок, добавил: - Я думаю, как пойдем: берег совсем топкий.

Об этом думали и мы с Павлом, наворачивая на ноги сразу по две портянки, чтобы крепче сидели сапоги. Только там, где редкие деревья подходят близко к воде, можно кое-как подобраться к берегу. В течение получаса мы, чертыхаясь, пробирались по земле, которая колыхалась под нами, как корка на киселе. Часто эта корка не выдерживала нашего веса, и мы - то один, то другой - проваливались по колени в отвратительную чавкающую грязь. А в одном месте Павел угодил в жижу почти по пояс.

Но вот и берег. Мы дошли до крайних деревьев и выглянули из-за стволов. Перед нами было громадное озеро, окруженное со всех сторон стеной леса. Противоположный берег его казался очень далеким. На озере плавало много стай различных уток: нырки, шилохвости, кряквы, чирки.

Завидев нас, утки предусмотрительно отплыли на середину озера. В нескольких местах появлялись большие круги - это ходила рыба, по всей вероятности, крупная.

Но вот в прибрежной траве противоположного берега появились какие-то белые птицы.

- Лебедь! - крикнул старик.

- Тише! - попросил я.

Мы с Павлом быстро приготовили кинокамеру. Через телеобъектив на матовом стекле я увидел, как два белоснежных лебедя с четырьмя уже большими лебедятами важно плавали среди травы. Расстояние, отделяющее нас, было внушительным, однако птицы вели себя настороженно. Они, вероятно, заметили нашу группу.

Вдруг один из лебедей, очевидно самец, разбежался по воде и взлетел. Сделав круг над озером, он издал тревожный крик, затем пошел на снижение к своему семейству. Я снимал этот кадр и очень боялся, что лебеди улетят совсем. Однако все кончилось благополучно:

самец просто произвел разведку, уточнил наше присутствие.

Дикий лебедь-это грациозная, изящная птица. Многие привыкли видеть этих красавцев в зоопарке или на городских прудах, считают их ручными и домашними. На самом деле это очень нелюдимая птица. Старик манси рассказал нам, что весной супружеская пара лебедей выбирает себе для гнездовья самое глухое таежное озеро в безлюдных лесных просторах. Причем, гнездятся только по одной паре на озере. Они не переносят соседства своих сородичей, выживают их. Дело доходит до страшной битвы, пока одна из пар не сдастся, не уходит с озера.

Засняв лебедей и уложив аппаратуру в рюкзак, мы стали советоваться, что делать: стрелять уток или нет?

- На котел мяса надо, - заявил Петр Ефимович.

На озере шла мирная, суетливая жизнь. Утки были так увлечены нырянием, что не хотелось их тревожить. Первый же выстрел всполошит их, вызовет всеобщую панику. И это на озере, на берегах которого давно уже не раздавалось ружейных выстрелов!..

- Не надо стрелять уток, лучше рябчиков,- сказал Паша.

Он, конечно, имел свои соображения: за утками надо лезть в воду, а это не очень приятно. Старик возразил:

- Э-э! Рябчик чево! Совсем плохой пища. Утка лучше!

Я стал на сторону Паши:

- Пожалуй, не будем стрелять уток: не достанешь их на воде.

- Может, твоя верно говори, начальник, - согласился старик. - Пойдем тайга - будет глухарь, капалуха.

И мы пошли к своему лагерю. Я был доволен тем, что мы .не нарушили мирной жизни глухого таежного озера.

Каждому настоящему любителю природы знакомо, наверно, такое чувство, когда не поднимается рука, чтобы выстрелить в зверя или птицу. Стоишь, как зачарованный, и любишься живой картиной. Еще мгновение, и нет ее, исчезла. «Ну и хорошо»,- говорит какой-то внутренний голос...

* * *

На другой день мы покинули нашу стоянку у озера Суртым-Тур и отправились к устью Тозамтоуя. Трудно различить две речки в месте их слияния. Которая из них Манья, а которая Тозамтоуя? Просто два шумливых ручья.

Обрывистые берега мешали приблизиться к воде. Выбирая удобный путь, мы двигались, не теряя реку из вида.

В тайге нет дорог, но есть звериные тропы. Звериные тропы... Это звучит как-то сказочному. Косули, лоси, дикие северные олени ежедневно ходят на водопой и кормежку по одним и тем же тропкам вдоль ручьев и рек. Животные искусно обходят болота, непроходимые заросли, каменные препятствия.

По таким необычным дорогам и вел нас Петр Ефимович. В тайге было тихо. Лишь изредка раздавался пронзительный крик кедровок, оповещавших о нашем присутствии. Они надрывно кричали, словно хотели сказать: «Внимание, лесные жители! К нам пожаловали незваные гости!»

- Зачем орет? Совсем плохой птица! - говорил с возмущением старик и с ненавистью поглядывал на кедровок.

Между деревьями поблескивала Тозамтоуя.

Шумные порошки чередовались с тихими и глубокими плесами. Крутые, заросшие лесом берега сменялись болотистыми низинами. Густые кедрачи вдруг уступали место сплошным сухостоям. Высохшие и сломленные бурями деревья, похожие на телеграфные столбы, тянули к небу обломки сучьев. Кругом было дико и по таежному величаво.

У глубоких ям, в которых важно плавали крупные хариусы, мы останавливались, готовили несложный инструмент для рыбалки. Крючок, обмотанный птичьим пером, и удочка готова. Здесь же на берегу разводили костер, нанизывали пойманных хариусов на палочки и пекли «таежный шашлык». Долго не задерживались. Попив крепкого чайку, шли дальше.

Невдалеке от этих мест путь наш пошел между возвышенностями. Заметно переменялась растительность: вместо болот с чахлыми деревьями потянулись высокорослые ели, лиственницы, пихты и березы. Мы то идем по живописной долине, то поднимаемся на небольшую сопку. Начались первые отроги Урала. Впереди хорошо различаются синеватые горы.

С каждым шагом поднимаемся выше и выше. Ручьи перестали прятаться в зеленых мхах, побежали между камнями, наполняя тайгу громким журчанием. С гор потянуло прохладой, уральским холодком, от которого преследующие нас комары поспешили скрыться.

Наше молчаливое шествие натывалось иногда на шумно взлетающего с земли глухаря. Собака отчаянно срывалась с места и уносилась следом за птицей. Такие встречи становились все чаще и чаще. Петр Ефимович говорил:

- Табор делать надо, начальник: глухарь есть.

Но больше всего на нашем пути встречалось рябчиков. Любопытству их не было предела! Услышав наше приближение, они словно нарочно вылетали из кустов, садились на деревья и начинали свистеть. Собака не обращала внимания на эту «мелкую» дичь. Мы тоже проходили мимо. Лишь только отдельные экземпляры привлекали наше внимание только для кино съемки или пополнения запасов. Тушка рябчика, запеченная на палочке у костра, - лакомство.

Под вечер вышли к живописному ручью, впадающему в Тозамтоую слева. Небо горело малиновым закатом. Дым костра расползлся по речке. Тучи комаров вились возле нашей стоянки. Над нами с характерным криком пролетели два лебедя, окрашенные в пурпур заходящим солнцем. Наверное, направлялись на Суртым-Тур.

Прошла еще одна таежная ночь с таинственной тишиной, с черными силуэтами деревьев на фоне звездного неба. Длительные разговоры, чаепитие у огня и ночлег под несмолкаемый треск костра...

* * *

Нас будят выстрелы в тайге. Оглядываемся: чуть свет, а старика уже нет у костра. Паша бормочет спросонья:

- На охоту утащился, старый!

Из леса прибегает Паль, радостно виляет хвостом и норовит лизнуть каждого из нас. В глазах его можно прочесть: «Хозяин идет с едой. Будет вкусный завтрак!»

И действительно, вскоре между деревьями замелькала маленькая фигура старика. В руках он несет двух огромных птиц. Их вытянутые шеи невероятно длинны, лапы волочатся по земле.

Мы встречаем охотника с восторгом.

Старик кладет глухарей у костра, садится на землю и закуривает махорочку. Затягиваясь дымом, он хитро щурит глаза, поглядывает на нас:

- Зачем долго спишь? Охота утром самый хороший!

Чтобы не остаться перед стариком в долгу, Паша начинает теревить одну птицу. Другую берет сам Петр Ефимович и, не трогая пера, вынимает из нее внутренности. Эта будет на завтра. В перо она долго сохранится.

Затем старик берет ощипанного Пашей глухаря. Я слежу за работой Петра Ефимовича и удивляюсь его умению разделять дичь. Он никогда не палит .глухарей над костром. Умелыми движениями пальцев сдирает с птицы кожу, которая нашим рукам совсем не поддается. «Раздев» таким образом дичь, старик, ловко орудуя острым ножом, отделяет куски

мяса. Через несколько минут в руках у него остается один скелет, который он бросает собаке. Такой искусной разделке дичи позавидовал бы любой городской кулинар!

Даже при нашем аппетите мы осилили только половину глухаря. Полкастрили мяса остается на ужин. Не мудрено. Ведь в этой птице и после разделки не меньше четырех-пяти килограммов.

Крепкая утренняя «заправка» нужна для последнего трудного перехода. Еще день, и мы подойдем к району горы Манья-Тумп. Петр Ефимович уже наметил стоянку на реке - это длинный остров, омываемый двумя большими протоками. И мы должны во что бы то ни стало дойти туда до вечера.

Переход был мучительным и долгим: верховья Тозамтоуи в сплошных завалах. Днем стояла жара. Комары не давали покоя. С горки на горку, через поваленные деревья, вязкие болотистые низины, многочисленные ручьи - так шли мы до самого позднего вечера. Уже закатилось солнце, а острова еще не было видно.

Темнота подкралась как-то незаметно, словно подкараулила нас. В тайге сразу стало жутко. Мы выбрались из леса ближе к речке. И на берегу уже нельзя было ничего различить, кроме блестящей водной ленты. Но наш старый манси, всматриваясь в темноту, продолжал идти по берегу.

- Может быть, остановимся, Петр Ефимович?

- Место худое. Мох нету. Чево олень кушай?

Мы продолжаем идти в зловещей темноте. Глаза пытаются разглядеть хоть что-нибудь, но ничего не видят. Идем молча, в каком-то забытьи. И вдруг из-за склона лесистой горы блеснул огонь.

Мы разом остановились. Темнота мгновенно исчезла, воздух наполнился каким-то матовым зеленоватым светом.

Как в самой страшной сказке, перед нами появился совершенно фантастический пейзаж. Между застывшими силуэтами деревьев плыл ослепительный диск луны.

Откуда взялось ночное светило? Мы его не видели все прошлые ночи. Наступило короткое молчание. Первым нарушил его Павел.

- Страшное зрелище, - тихо сказал он.

Еще не освободившись от сильного впечатления, я смог только молча кивнуть головой. На лице Петра Ефимовича еще оставались следы растерянности, но он бодро заявил:

- Совсем светло место лагерь искать!

Кому что, а ему «место лагерь, олень мох». Старик, конечно, испугался в первые секунды, но у него это быстро прошло. Не раз он видел такие картины в тайге. Мне же диск луны казался невероятно огромным и таинственным.

- Манья-Тумп совсем близко, - сказал Петр Ефимович и показал на гору, из-за которой только что вынырнула луна.

Так вот каким сюрпризом встречает нас Манья-Тумп- некогда священная гора, на которой по преданиям стояла одно время легендарная Золотая Баба, идол и предмет поклонения окрестных, да и не только окрестных, племен...

Скоро на речке показались шпили высоких елей, озаренных лунным светом. Это была еловая роща, омываемая со всех сторон речкой. В тайге часто так бывает: раздвоившись на две протоки, речка образует лесной остров. Как правило, на нем почему-то всегда растут громадные ели.

Мы перебрались через речку на лесистый остров и на берегу, обращенном к луне, устроили лагерь.

Непередаваема красота лунной ночи в тайге. Тишина такая, что слышно собственное дыхание. Слышно, как шумит пламя в костре, как переливаются струи воды в речке. А кругом все застыло: не шелохнется ни единый листок, деревья словно окаменели навсегда. Сказкой веет от их бессильно опущенных ветвей.

Лежавшая у костра собака все время была настороже и тихо урчала. Она то и дело оглядывалась по сторонам, ее уши все время были в движении. Животное слышало такие

звуки, которые нашему уху недоступны. Ночная тайга была полна жизни.

Лунная ночь в тайге - это поэма, это симфония. Тайны ночного леса, пожалуй, можно выразить только музыкой...

Мы сидели вокруг костра, молча ели вареного глухаря, молча пили чай, посматривая на выступающую из-за леса Манья-Тумп. Нам в такую ночь и сон не шел.

- Сколько километров до Манья-Тумп?

Старик вынул изо рта трубку, посмотрел на силуэт горы:

- Может, три, может, четыре.

Задача наша очень ясная - мы должны подняться на вершину. Но как на это посмотрит старик? Как бы не обидеть его.

- Петр Ефимович, нам нужно подняться на Манья-Тумп.

Старик снова вынул трубку изо рта, внимательно посмотрел на меня.

- Зачем тебе Манья-Тумп? Ходи тайга - лось много, глухарь есть!

- Мы должны заснять гору, на которой стоял ваш бог. Пойдешь с нами?

Старик замотал головой.

- Не сердись, начальник, Манья-Тумп моя ходи нету: боюсь.

- Вместе-то ведь не страшно!

Манси снова замотал головой:

- Сам ходи, моя нету.

Я молча любовался лунным пейзажем. Вдруг возникла дерзкая мысль:

- Паша! Пойдем ночью на гору!

Павел на какой-то миг стушевался, но быстро опомнился:

- Пойдем!

- А не боишься?

- Нет!

- А я боюсь, но очень хочется пойти. Попробуем?

- Попробуем!

Старик слушал нас и качал головой, очевидно, думая: «Вот попал в компанию!» Он пытался отговаривать нас:

- Зачем тайга ночью ходи? Завтра пойдешь!

Но дерзкая затея не давала нам покоя. Кто откажется идти по тайге в такую сказочную ночь!

- Чево я делай буду? - спросил старик.

- Отдыхай! Утром харюзков надергай, глухарь прилетит - стреляй.

Мы забрали киноаппаратуру, еду, ружья, электрические фонари и, взвалив на плечи рюкзаки, пошли. Старик провожал нас некоторое время по берегу и, как мне казалось, был очень задумчив. Я попытался подбодрить его:

- Все будет хорошо, Петр Ефимович! Жди нас завтра.

Он склонился ко мне и тихо, чтобы не слышал Павел, сказал:

- Увидишь чево Манья-Тумп, не трогай: больной будешь.

Петр Ефимович показал рукой, куда нам идти, и вернулся к лагерю. Мы с Пашей сразу же попали в таинственный и страшный мир.

Шли, выбирая освещенные луной места. Там, куда не проникал лунный свет, стояла зловещая темнота. Ночной лес всегда вызывает в человеке чувство боязни и настороженности. Мы держались ближе друг к другу и поминутно освещали темные места. Не притаился ли кто-нибудь там? Шли молча, напрямик через лога и завалы, по камням и глубокому мху, через мелкие ручьи, заросшие высокой травой.

Все время поднимаясь, мы незаметно обошли гору. С одного из бугров увидели ее вершину, черной шапкой выступающую среди леса. Отсюда хорошо было видно, что Манья-Тумп стоит отдельно от Уральского хребта.

Луна стояла в самом зените, но как только она скроется за гору, мы окажемся в темноте. В тайге тогда будет еще страшнее. Надо спешить. Старик наверняка беспокоится за нас и если

не увидит огонька на вершине, то подумает, что с нами что-то случилось.

Включив фонари, снова лезем вверх. Часто останавливаемся, отдыхаем. Разговариваем шепотом, руки бьет мелкая дрожь. Но какая-то сила все равно гонит вверх. Паша часто смотрит на меня, очевидно, старается увидеть выражение моего лица. Я в свою очередь тоже слежу за его лицом. Виновато улыбаемся друг другу. Наконец, я говорю:

- Довольно, Пашка, трусить!

- А сам-то ты!..

Мы вышли на освещенный склон. Над ночной тайгой струился холодный лунный свет. Лесные холмы внизу тонули в легкой зеленоватой дымке. В звездном небе висел ослепительный серебряный диск. По долине Тозамтоуи тянулся дымок - наш старик палил костер.

Подъем стал пологим, вершина горы постепенно теряла свой куполообразный вид. Чем выше к ней поднимались, тем больше она выравнивалась. Скоро стали видны просветы между деревьями, стоящими на противоположном склоне.

- Смотри-ка, смотри! - быстрым шепотом проговорил Павел.

Я вздрогнул от неожиданности, остановился и посмотрел туда, куда указывал мой спутник. На одном из деревьев чернел силуэт оленьих рогов. Паша осветил их фонарем и опустил пятно света по стволу вниз. На земле валялся череп какого-то животного. Среди мха торчал старый продырявленный котел. К огромному камню были прислонены чурки с выструганными на концах головами идолов. С ветвей деревьев, как длинные лишайи, свисали светлые полуистлевшие тряпки. Это было, по всей вероятности, заброшенное жертвенное место.

Мы почувствовали легкое разочарование: хотелось увидеть что-то сверхъестественное. Однако луна, черные стволы деревьев, рога и череп, деревянные идолы и полумрак среди тайги - все это по-своему действовало на психику. В древности здесь определенно могла стоять Золотая Баба! А кто нам докажет обратное?

Павел двинулся к деревянным истуканам. Я крикнул:

- Пашка! Не подходи: здесь могут стоять самострелы!

Он отскочил, как ужаленный. Мы отошли на почтительное расстояние. Я объяснил Паше, что в старину вокруг жертвенных мест иногда расставляли самострелы - устройства со стрелой и натянутой тетивой. Посторонним нельзя было подходить к таким местам, и если кто осмеливался, погибал.

Под каменными глыбами на склоне мы выбрали место для ночлега. Отсюда была видна долина Тозамтоуи с дымком в нашем лагере. Что-то делает сейчас старик?

Заполыхал костер, мы подкрепились. Луна опустилась за горы, и в тайге стало темно.

Какая-то тень промелькнула над нами. Где-то невдалеке глухо проухал филин и под конец разразился на весь лес задористым человеческим хохотом. От этого мурашки пробежали по коже. Павел уставился на меня широко раскрытыми от удивления глазами.

- Это филин! - сказал я.

Павел с искренним огорчением заявил:

- Скорей бы проходила ночь! Не уснешь ни черта!

Мы пытались уснуть, но безуспешно: нервы были до того напряжены, что глаза открывались при малейшем звуке.

Так прошла ночь. Постепенно заалел восток. Над реками появился туман, который скоро заполнил все таежные низины. В молочной пелене оставались видны лишь острые шпили деревьев на возвышенностях. Только теперь стало тянуть ко сну. Веки словно налились свинцом. Костер потух, и мы незаметно уснули.

* * *

Над тайгой поднималось дневное светило. Пригретый туман тянулся вверх, медленно

растворяясь в воздухе. Солнечные лучи веером расходились в молочной пелене. Где-то далеко слышался колокольчик нашего оленя. Потом прозвучали один за другим два выстрела. Я тронул Павла за ногу:

- Вставай!

Павел потянулся в своем чехле и, зарывшись в него снова, пробурчал невнятно:

- Сейчас, сейчас, еще одну минуточку.

Снова запыливал костер. Мы отогрелись, доели

остатки вчерашних запасов. Подождали, когда туман рассеялся окончательно, и начали осмотр вершины Манья-Тумп. Кое-где лежали огромные каменные глыбы, заросшие лишайниками и мхом. Это останцы. Вполне вероятно, что в древности гора была совершенно безлесной.

Убого выглядело молебное место. Над совершенно истлевшими деревянными идолами и жалкими остатками какой-то утвари с веток деревьев свисали, как лишай, обтрепанные и выцветшие лоскутки с узелками. Пожалуй, наиболее живописными были олени рога, развешанные на нескольких деревьях, да черепа, разбросанные на земле и заросшие мхом. Видно, сюда давно не приходили молиться старые манси: кости истлели и позеленели.

Небо над горной тайгой было прозрачно-голубым. Легко дышалось над этими зелеными просторами. Со стороны Урала возвышалась серая стена Поясового Камня. На восток до самого горизонта тянулись зеленые дали - древняя лесная страна

Манси-Поль. Из тайги на нас смотрели островерхие макушки елей. Левее возвышалась голая вершина горы Иохт-Хури. А дальше, на север, за ней тянулось море вершин с острыми гребнями. Перед нами простирался хмурый горный пейзаж нетронутого Урала.

Я очень люблю североуральский пейзаж и беспредельно счастлив тем, что Урал - моя родина. Люблю эту гордую и в то же время суровую красоту, от которой веет могуществом, силой. Могучая красота гор седого Урала вселяет в душу человека чувство, которое можно выразить только словами восхищения...

Почему именно здесь, на этой горе, а не на другой, было молебное место? Может быть, потому, что здесь так красиво? Нет, причина, наверное, в другом.

Район горы Манья-Тумп очень лесистый. Здесь, на реке Манье и ее притоках Тозамтоуе, Мазыпатье и Арбынье - самые лучшие леса, преимущественно хвойные. Хороший лес является пристанищем зверей и дичи, в реках, текущих среди таких лесов, много рыбы. Гора зеленой шапкой возвышается над всеми лесными массивами. Самое удобное место для «бога», чтобы созерцать ему сверху свои владения, благодатные места для охоты.

По словам К. В. Сальникова, «племена лесной полосы Восточного Урала оставили интереснейший вид археологических памятников - жертвенные места, которые располагались на скалистых вершинах гор или останцах... Эти пункты поражали воображение первобытных обитателей Урала и рассматривались ими, видимо, как места священные, связанные с обитанием духов - хозяев гор, леса, лесного зверя и т. п.»

Считалось, что эти горы были полны разного зверья, и когда божество проникалось добротой к людям, оно сгоняло зверей вниз, в леса, давая тем самым богатый промысел охотникам.

Как правило, такие места сохранялись в тайне от посторонних. Под страхом смерти никто не имел права подниматься на эти горы. Не случайно вокруг жертвенных мест, на подступах к божеству, устанавливали самострелы. О них знал только шаман. Временами люди под предводительством шамана-жреца собирались для общего моления и жертвоприношения. Самой ценной жертвой являлись белый олень или белая лошадь, которых закалывали на жертвенных местах и съедали. Женщины не имели права не только присутствовать при жертвоприношениях, но даже проходить вблизи этих священных мест.

Тот же Сальников пишет, что «подобного рода священные места, на которых совершались жертвоприношения, продолжали существовать еще в предоктябрьский период у коренного уральского народа - манси».

Остатки давно заброшенного жертвенного места мы и нашли на горе Манья-Тумп.

- Почему гора называется Манья-Тумп? - спросил Паша.

Оглядывая с горы даль, я начал рассуждать: «Тумп» по-мансийски - гора, отделенная от других гор, или каменный остров. Название «Манья-Тумп» означает - особняком стоящая гора в верховьях Маньи.

Манья-Тумп действительно стоит особняком, островом среди сравнительно ровной таежной низины. Вблизи протекает речка Манья. Можно справедливо заметить: «Почему Манья-Тумп названа горой в верховьях Маньи? Ведь гора на таком же расстоянии отстоит и от верховий речки Тозамтоуи! С таким же основанием ее можно было бы назвать Тозамтоуя-Тумп!»

Но дело в том, что река Манья когда-то имела особое значение в жизни манси: по ней в древности проходила дорога через Урал. Неудивительно, что гора, бывшая приметным местом на этой дороге, названа именем той речки, по которой и шел весь путь.

ЭКСКУРС В ПРОШЛОЕ

Мы находились вблизи древнего пути через Уральский хребет. Левее нас, в сторону Урала, лесные массивы прорезала ленточка реки Маньи.

Хребет на месте водораздела имеет глубокую впадину с огромной болотистой низиной, в районе которой берут начало две реки, текущие в разные стороны: Манья и Егра-Ляга.

Павел, которого все больше интересовывал Урал, спросил меня, что я знаю об этих местах. Я обрадовался возможности выложить свои знания. Еще готовясь к путешествию, я прочел много старинных книг по истории уральского Севера.

Манья стекает с восточного склона Урала в Северную Сосьву. Егра-Ляга направляет свои воды на запад, в бассейн Печоры. Текущую на запад Егру-Лягу древние манси называли Ольс-Манья (Илыч-ская Манья), а Манью именовали Тайт-Манья (Сосьвинская Манья). Егру-Лягу русские называли Югрой, потому что она вытекала со стороны хребта, за которым на востоке находились земли, называемые русскими также Югрой.

Любопытно, что коми в древности называли народ манси - «еграгас», что на их языке означает - югорский народ. Вполне возможно, что от этого названия жителей древней Югры и получила имя река Егра-Ляга.

Исследователь Северного Урала Э. Гофман писал в 1856 году: «Древние ли новгородцы изменили зырянское Егра в Югру, как теперь их потомки произносят имя реки, или же у самих зырян в течение времени Югра обратилась в Егра...»

Долины Маньи и Егры-Ляги соединялись проходом, по которому манси и ханты, обитающие по Северной Сосьве, посещали верховья Егры-Ляги, то есть приходили в Европу для товарообмена с племенами коми.

Манси и ханты прежде были многочисленным народом. Им управляли князья, из которых истории известны Юшман, Асык, Кельп, Молдан. Как говорит пермский историк Остроумов: «С этим народом долго и упорно пришлось бороться русскому государству в его поступательном движении на восток... Так, в 1187 году новгородские сборщики дани в Перми и Югре были побиты, вследствие чего в 1193 году Новгород послал целую рать под начальством воеводы Ядрея, которая встретила в Югории укрепленные города. Один из них новгородцы взяли, а под другим потерпели поражение столь сильное, что из всей рати осталось в живых только 80 человек, возвратившихся домой в 1194 году».

Новгородские походы ставили перед собой одну цель - купить, собрать, отнять у туземного населения наибольшее количество пушнины и других ценностей. Самую активную роль в колонизации сыграли представители московского духовенства.

Ведь за крестом «иноков» шли вооруженные люди. Трудно было исконным уральским жителям противостоять натиску московской рати. Историк А. А. Берс в своей книге «Прошлое Урала» сообщает: «В 1472 году верхнекамский союз племен сложил оружие. В его главнейшие

укрепленные города - Искор, Покчу и Чердынь - вступили русские гарнизоны; князья крестились, и Перми Великой не стало. На этом фактически закончилась эпоха самостоятельного существования туземных племен Прикамского Урала».

Манси уходят за уральские горы, в глухие леса. Проходят столетия. В 1883-1884 годах этнограф К. Д. Носилов, путешествуя по рекам Конде и Северной Сосьве, знакомится с жизнью местных племен. В своей книге «У вогулов» он с большой теплотой пишет о людях, затерянных в лесах Северного Зауралья: «Еще недавно воинственный, бодрый, знавший, как топить, добывать из руд Урала железо, медь, серебро, имевший торговые сношения с соседями, войны, - народ этот теперь совсем упал, совсем превратился в первобытного дикаря и так далеко ушел от нашей цивилизации в свои непроходимые леса, так забился в глушь своей тайги, так изолировался, что, кажется, уже более не покажется на мировой сцене, а, тихо вымирая, сойдет совсем с лица нашей планеты.

Откуда он пришел в эту тайгу, какие великие передвижения народов его вдвинули сюда, он не говорит, он забыл даже свое недавнее прошлое; но его типичные черты - хотя вогулы уже слились давно с монгольскими племенами, заимствовали от них обычаи, верования - еще до сих пор напоминают юг, другое солнце: кудрявые черные волосы, римский профиль лица, тонкий, выдающийся нос, благородное, открытое лицо, осанка, смуглый цвет лица, горячий смелый взгляд - ясно говорят, что не здесь их родина, что они только втиснуты сюда необходимостью, историческими событиями... Такие лица скорее всего напоминают венгерца, цыгана, болгарина, чем остяка, тип которого все более и более начинает преобладать, благодаря кровосмешению.

Сжатые соседями, загнанные в глушь лесов, они стараются всеми силами отстаивать свою самобытность, для них чуждо все на свете, им не нужна цивилизация, которую они презирают, в которой они разуверились, и, живя весь свой век среди природы своей новой родины, они берут от нее то, чего она может дать им в своих непроходимых, в полном смысле слова, девственных лесах...

Но весь их интерес, вся пытливая душа ушла в тот неведомый мир духов, в ту сферу их верований, которыми они живут, который их занимает».

Так мог писать о людях только человек с добрым сердцем, каким, очевидно, и был Носилов. Невольно проникнешься большим уважением к этому человеку за восторженные описания природы Урала и за любовь к его обитателям - манси.

* * *

Неожиданные выстрелы под горой прервали мой рассказ. Мы прислушались. Снова прогремели выстрелы. Похоже было, что старик забеспокоился о нас и давал сигналы. Павел взял двустволку и выстрелил в воздух, приговаривая:

- Мы живы, старина!

После этого Петр Ефимович больше не стрелял, видимо, успокоился. Мы стали спускаться и, сопровождаемые гнусавым войском комаров, через час вышли на речку Тозамтоую.

Вдали, на берегу, дымил костер, маленькая фигурка старика копошилась возле него. Олень и собака лежали рядом.

Манси встретил нас с хитро прищуренными глазами:

- Моя думай ты пропадай совсем. Зачем долго сиди Манья-Тумп?

- Здравствуй, Петр Ефимович!

- Моя здравствуй. Как твоя здравствуй?

- Есть хочется, - сказал Паша, потирая живот.

- О, твоя здравствуй хорошо!

Старик был в веселом расположении духа, радовался нашему возвращению. Из котелка, висящего над костром, плыл аромат дичи. И не мудрено: котелок был доверху наполнен

глухариным мясом. На палочках вокруг костра старик расставил запеченных крупных хариусов.

После того как мне пришлось припомнить все свои знания по истории Урала, я как-то по-особенному смотрел на нашего проводника, вглядывался в его лицо, лицо далекого потомка древних угров. В нем явно преобладали монгольские черты. Но я вспомнил другого манси, Мони́на. Тот едва ли был похож на монгола, в нем действительно было что-то от венгра, болгарина и североамериканского индейца. Какие яркие противоположности среди людей одной и той же нации!

Остаток дня мы с Павлом провели на охоте с ружьем и киноаппаратом. А вечером долго сидели у костра. Было много еды, было много разговоров. Мы рассуждали: нужен ли был нам этот поход и что он нам дал? Ведь мы ничего не нашли особенного! Но наше любопытство было удовлетворено хотя бы тем, что мы побывали на вершине горы Манья-Тумп. Нам достаточно и этого.

Еще одна ночь у костра под горой, а на другой день мы отправились в обратный путь. Три дня и три ночи на берегах Тозамтоуи и Маньи прошли в охоте. Этот переход оставил на нашей киноплёнке много интересных «трофеев».

* * *

Среди молодых людей встречаются иногда любители только заграничных путешествий. Одни страдают «африкоманией», другие бредят «бананово-лимонным» Сингапуром. Родная природа им кажется менее экзотичной, чем тропики. Какой вздор!

Я совсем не против заграничных путешествий. Это очень интересно, но роскошным видам Сингапура и Парижа я предпочел бы костер и палатку на берегу таежной красавицы Северной Сосьвы...

Мы провели несколько дней в Усть-Манье, пока ждали самолет на Саранпауль. За это время познакомились со многими манси. Сыновья Петра Ефимовича, Николай и Рудик, были нашими постоянными экскурсоводами. Это новое поколение манси, грамотное, культурное, не знающее тех горестных времен, какие пережили их предки. Ребята свободно говорят и пишут на русском языке: они закончили средние школы.

Младший сын старика Рудик живет в Няксимволе, откуда приехал навестить отца. Он уже взрослый парень, женат, имеет ребенка. Мы договорились с ним не забывать друг друга, переписываться...

А ведь совсем недавно маиси были на грани вымирания. Профессор Казанского университета А. И. Якобий в конце XIX века писал, что с 1803 по 1893 год, то есть за 90 лет, в Березовском уезде число хантов уменьшилось на 10 процентов, а манси на 24 процента. В 1911 году манси насчитывалось всего около 6500 человек. Алчные царские чиновники, хищные рыбопромышленники и купцы безжалостно грабили население Зауралья. Отсутствие путей сообщения и отдаленность от крупных населенных пунктов создавали благоприятные условия для произвола местных властей и беззакония купцов. Лишенные элементарной медицинской помощи и обреченные на нищету, таежные жители постепенно вымирали от голода и эпидемических заболеваний.

Но с первых лет Советской власти население стало расти и к моменту образования Ханты-Мансийского национального округа - 10 декабря 1930 года - число жителей почти в два раза превысило данные переписи 1897 года. А теперь... Не нужно теперь приводить статистические данные.

Достаточно посмотреть, как живет молодое поколение, чтобы понять, что обреченный на вымирание народ возродился.

НА ГОРИЗОНТЕ -СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

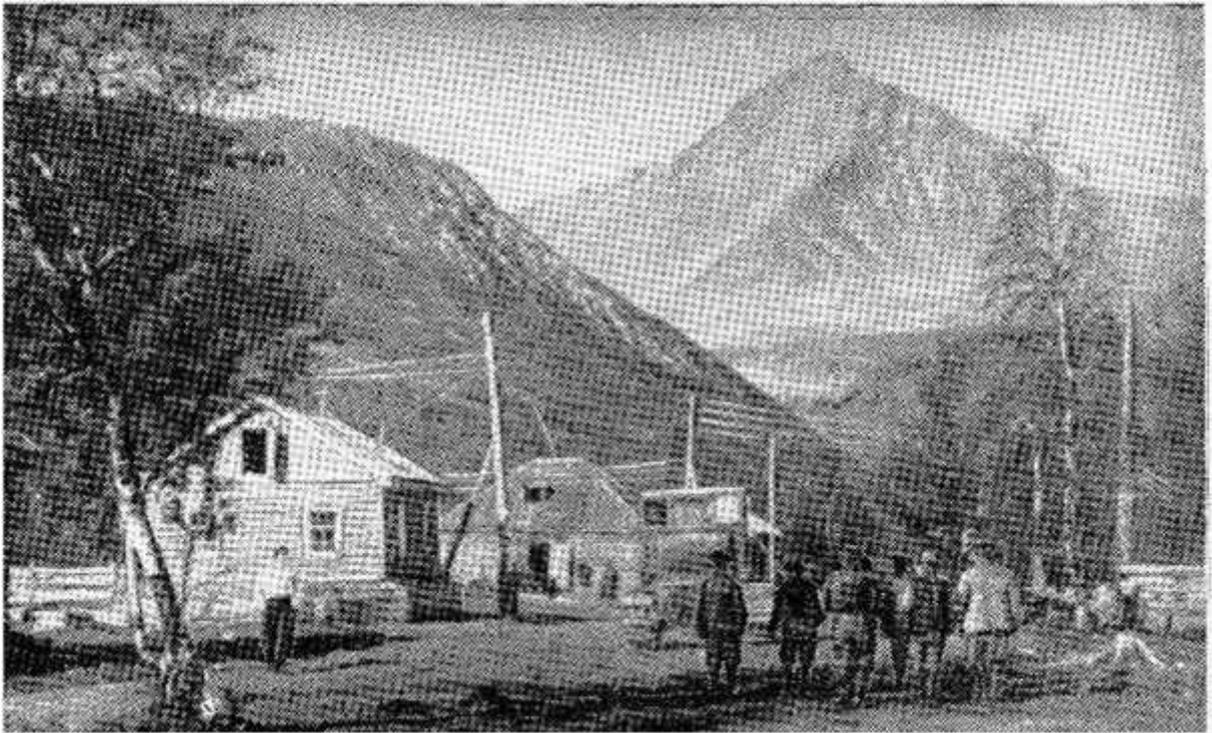
Наконец, наступила пора расставаться с Петром Ефимовичем. Сколько было сказано пожеланий и добрых слов! Но вот грустные минуты прощания позади, и мы снова летим на Север. Под нами в зеленом ковре тайги вьется Северная Сосьва. Пилоты любезно предоставляют мне место на всячем сиденье между собой. Отсюда обзор на сто восемьдесят градусов. Вот он зеленый океан - лесной Урал!

Сверху земля будто накрылась зеленым меховым тулупом, вывернутым шерстью наружу. Вдоль рек тянутся черные хвойные леса. В глубине тайги видны местами веселые березняки, сосновые боры и лиственничники. Кое-где на берегах появились пожелтевшие березки - предвестники осени.

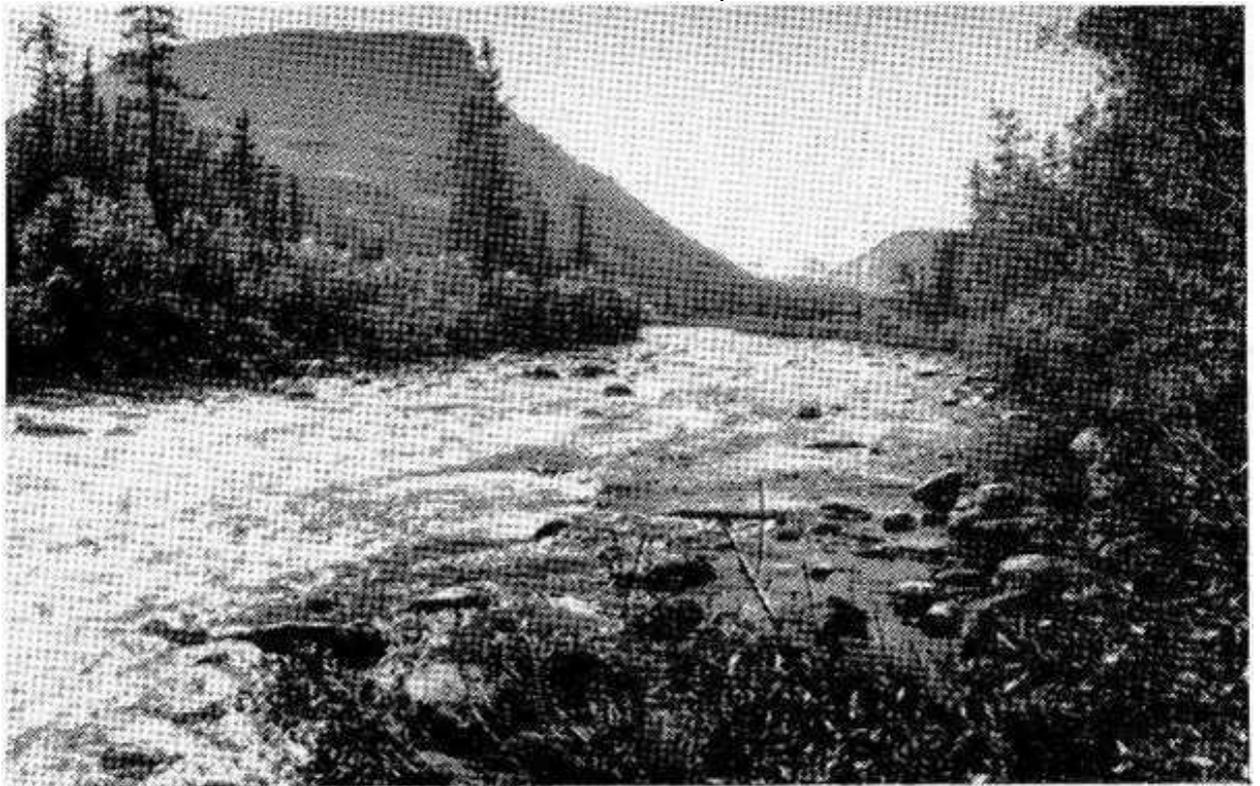
Уральский хребет тянется слева. Горы заметно становятся выше, вершины многих из них теряются в облаках. Манья-Тумп холмиком прилепилась к хребту. Мы идем на небольшой высоте. В стороне, среди леса, промелькнули домики Няксимволя.

Над базой Северная Народа

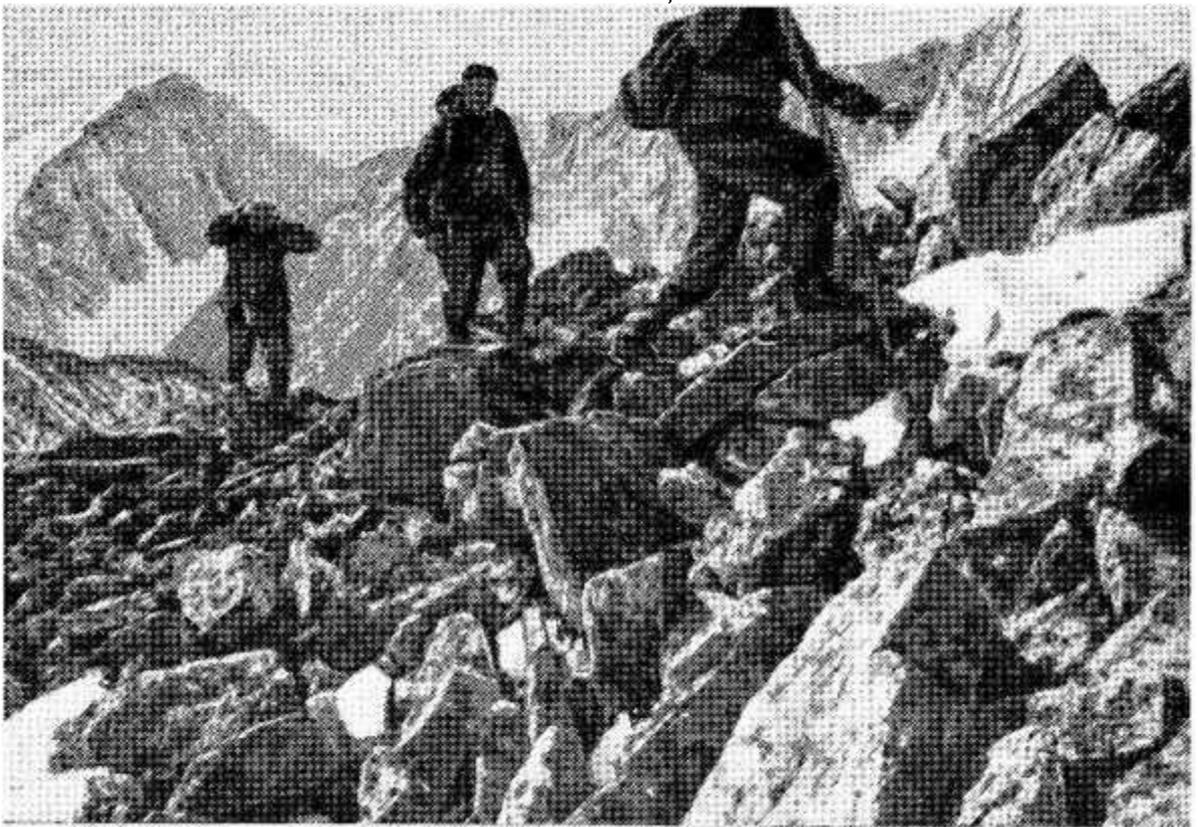
Геологическая база Перойка.

Река Народа у горы Чёндер.

Мансийское кладбище в тайге.

К вершине Народной.

Еще пять километров до Народной!

Гора Манси-Нёр.

Над Северной Породой.

Глухая таежная река Волья с тихими заводями и бурными перекатами проплывает под нами. Пилоты кивают друг другу и кричат:

- Вот рыбки-то где!

- Какой? - громко спрашиваю я.

- Сырок, таймень, нельма и знаменитая сосьвинская селедка!

«Воздушные» люди не лишены земных страстей. Когда им приходится задерживаться из-за непогоды на таежных посадочных площадках, они не пропускают случая порыбачить и поохотиться. Недаром в хвостовом отсеке самолета стояло несколько охотничьих ружей и спиннингов.

Вглядываюсь в берега Вольи, чтобы увидеть рыбака или охотника, - ни души! И так на десятки и сотни километров. Недаром говорят, что левобережье Северной Сосьвы является одним из самых глухих районов, где на сотни километров округ можно не встретить населенных пунктов.

Проходит два часа полета, проходит три, а под самолетом все леса и леса. Заповедный лесной край! На горизонте слева показалась белая полоска гор. Но почему белая? Вглядываюсь-как будто снег! Спрашиваю пилотов:

- В чем дело, почему горы белые?

Один из них отвечает:

- На Приполярном Урале это обычная картина. Выпал снег в начале августа и держится до сих пор.

Полоса снежных гор приближалась и постепенно заполняла весь горизонт. Под нами появились лесистые холмы, впереди блеснула лента реки и на ее берегах показался большой поселок. Это Саранпауль, старинное село на реке Ляпин, исходный пункт нашего путешествия в горы Приполярного Урала.

Наш первый визит - в штаб Полярно-Уральской экспедиции, которая руководит разведкой недр Приполярного Урала уже много лет. Без помощи этой экспедиции мы не проникнем в горы. У геологов все транспортные средства: лодки и катера, кони и олени, даже самолеты и вертолеты.

Геологи прежде всего ознакомились с нашими планами. Мы скромно выражаем желание побывать на одном из месторождений горного хрусталя и совершить восхождение на высшую точку Урала- гору Народную. Наши желания, по словам начальника партии А. Г. Федюковича, действительно скромны. Нам предлагают побывать на одном из старейших месторождений Додо, под горой Неробкой, и посетить месторождение Гранитное близ

геологической базы Северная Народа. Называют еще одно месторождение - Пеленгичей, но до него добираться лучше всего со стороны Воркуты, то есть с северо-западного склона Приполярного Урала.

Нас эти предложения вполне устраивают. Нам показывают образцы горного хрусталя. В заключение беседы А. Г. Федюкович говорит:

- Вы можете спокойно заниматься в Саранпауле своим делом несколько дней. К тому времени наш самолет вернется из Печоры, и вы полетите в горы.

Мы благодарим за любезный прием и выходим на берег, по которому тянутся старинные постройки села. Теперь мы можем познакомиться с Саранпаулем.

Саранпауль в переводе с мансийского означает Зырянская деревня. Река с прозрачной горной во-дой широко разливается у поселка. Вдали по всему горизонту протянулась зубчатая полоса снежных гор. Ощущение такое, словно мы видим далекий Кавказский хребет. Красиво выглядит запорошенный снегом Урал над зеленой тайгой!

На берегу стоит несколько ветхих амбаров. От них веет стариной, купечеством. Когда-то на месте села был городок Ляпин. Тот самый Ляпин, о котором в разрядных книгах, описывающих поход князя Курбского, записано: «И убили воеводы на Камени самоеди 50 человек, а взяли 200 оленей. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина, всех по та мест шли 4650 верст. Из Ляпина встретили с Одора на оленях югорские князи, а от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках. Ляпин взяли и поймали 33 города, да взяли 1009 человек лучших людей, да 50 князей привели». Было это в 1499 году.

Иностраннный посланник Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» в 1557 году писал «Князь Московский Василий Иванович некогда посылал через Пермю и Печору двух своих воевод Симеона Курбского... и князя Петра Ушатого для исследования мест за этими горами и для покорения туземных племен... Из них Курбский, в бытность мою в Московии, был еще в живых и на мои расспросы об этом отвечал, что он семнадцать дней взбирался на гору, которая на их языке называется Столпом...»

После похода Курбского зауральские жители стали данниками князя Московского. Пушные богатства уральского Севера потекли в руки предприимчивых русских купцов. Но труднодоступные североуральские горы всегда представляли преграду для передвижения с Печоры на Обь.

Более удобными оказались другие пути - через Средний Урал. Постепенно северный путь, которым шел Курбский, забывается. Городок Ляпин остается существовать только в летописи.

Но через 385 лет это забытое место снова привлекло внимание предприимчивых людей. Об этом и пойдет рассказ в следующей главе.

ИСТОРИЯ СИБИРЯКОВСКОГО ТРАКТА

Нас временно поселили в доме, который обычно занимают пилоты. Разместиться здесь помог Константин Константинович Сиволапов. Он оказался добрым и по-сибирски гостеприимным человеком. В первый же вечер мы были у него в гостях и лакомились малосольными сырками. Ничем не отличимая от сига, эта рыба издавна славится за Уралом.

За столом зашел разговор о том, с какими примечательными местами нам нужно познакомиться и что снимать. Комендант был старожилом Саранпауля и сразу спросил нас:

- А в Щекурье вы были?

- Нет.

- Завтра же идите туда! Там была резиденция самого Сибирякова и оттуда начинался знаменитый Сибиряковский тракт.

В истории Северного Зауралья Сибиряков сыграл определенную роль. Его фамилия надолго запомнилась людям лесного Урала - манси, коми и хантам. Но прежде чем говорить

о том, кто такой был Сибиряков, мы совершим поход в Щекурью, где была резиденция этого крупного дельца.

Щекурья - маленькая деревня в пяти километрах от Саранпауля. Расположена она на берегу речки Щекурьи недалеко от впадения ее в реку Ляпин (Хулгу). На другой же день мы с Павлом, забрав рюкзаки, пошли в Щекурью смотреть Сибиряковский тракт. На полпути, за зверофермой, вышли на речушку Ятрию. Берега ее утопали в зарослях черемухи, среди которых тянулись небольшие рощицы молоденьких стройных пихт. Я подвел Павла к ним, попросил его потрогать хвою: он никогда не видел пихты.

Пихта - краса северных лесов. Ее нет в средней полосе России. Павел вырос в Москве и не мудрено, что никогда не видел это стройное дерево - кипарис севера.

На противоположной стороне реки стоял человек, смотрел, как мы любовались пихтами, и, казалось, ждал нас. У берега стояла лодка. Мы уселись в нее и переплыли реку. К нам подошел средних лет мужчина:

- Вы в Щекурью? Я провожу вас: я там живу.

Эта встреча была как нельзя кстати. Незнакомец отрекомендовался: Константин Васильевич Попов. Дорогой мы разговорились.

- Наверно, Сибиряковский тракт посмотреть хотите?

- Да, вы угадали.

- Я так и подумал: видно, что не здешние. Все приезжие интересуются этим местом.

- Как выглядит этот тракт? Можно ли его заснять?

- Несколько лет назад здесь была московская киногруппа, режиссером был Николай Иванович Тихонов. Он тоже интересовался трактом. Я их водил по нему.

- Ну, так вы и нас по старой памяти проводите туда, мы ведь тоже из Москвы и хорошо знаем Николая Ивановича.

- Договорились!

Вскоре из-за сосен показалась деревня на берегу живописной лесной реки. В центре стояли старинные избы из неимоверно толстых лиственных бревен. На трубе одного из домов был водружен железный флюгер с датой «1885 год».

Константин Васильевич повел нас в свою избу, где хозяйничала молодая женщина в длинном, почти до пят, сарафане. Голову ее украшало сооружение из платка. Это была жена нашего знакомого - Мария Ивановна. Между собой они разговаривали на языке коми.

Константин Васильевич еще мальчиком переселился с родителями в Щекурью из Кировской области, здесь вырос и женился. Со временем стал хорошо говорить на языке коми, усвоил обычаи и привычки этого северного народа.

У нашего знакомого засиделись недолго: хотелось побыстрее увидеть все то, что он обещал нам показать. Вышли на край деревни, где начинался лес. Прямая грунтовая дорога, по бокам которой росли ели, уходила в глубь чахлой тайги.

- Вот и начало Сибиряковского тракта, - сказал наш спутник.

Так вот она, старинная дорога, о которой так много толковали в конце прошлого столетия. Обычная просека, только широкая. Чем дальше, тем она становилась глуше. Стали появляться болотистые низины. Мостов, конечно, давно нет: они обрушились, сгнили, превратились в труху. Но было видно, что на строительство шел добротный лес: по краям просеки еще и теперь можно увидеть остатки огромных пней.

Мы ушли по тракту на несколько километров от села. Дальше тянулась однообразная просека, совершенно заболоченная. Вернулись обратно. Не доходя с километр до Щекурьи, Константин Васильевич остановил нас:

- А теперь покажу вам что-то еще.

Направившись за ним в сторону от дороги, долго шли по глубокому мху, подлезая под низко опущенные ветви деревьев. Впереди между стволами блеснула лента реки. Константин Васильевич остановил нас возле группы елей. Нашим глазам предстала знакомая картина: ветви были увешаны красными тряпицами, давно выцветшими. Под деревьями валялись олени черепы. На одном из сучков повисли рога.

- Это молебное место. Старые манси еще ходят сюда.

Мы постояли, посмотрели на жалкие тряпки, развешанные на деревьях. Сильны еще религиозные привычки у старого поколения! Старики продолжают упорно придерживаться обычаев.

Наш знакомый повел нас дальше в лес. Приземистые ели длинными ветвями закрывали землю от солнечных лучей. Под деревьями было темно. Неожиданно показались странные сооружения, напоминающие крыши низеньких домиков.

- Что это?

- Тише... Это мансийское кладбище. Старые манси не разрешают посторонним приходить сюда.

Это предупреждение создало атмосферу таинственности. Мы зашли в запретную зону, а уходить отсюда не хотелось: до того все кругом было необычно, интересно. Я спешил снять как можно больше кадров.

Рядами стояли склепы - маленькие полуземлянки с низкими крышами. Возле них валялись оленьи нарты, котелки, миски, кое-где лежали части старинных охотничьих ружей и даже небольшие берестяные лодки. Здесь же были разбросаны кости, оленьи черепа, пустые бутылки. Внутри каждого склепа было прорублено окно, перед ним была поставлена скамеечка.

Иногда манси приходят сюда справлять поминки по умершим родственникам, здесь же варят пищу и ставят еду на скамеечку перед окном - «угощают» дух усопших. После этого угощаются сами. Среди других были здесь и очень старые склепы, которые давно провалились, деревянные срубы в земле совершенно сгнили. Иные захоронения заросли мхом и кустарником. На месте склепов росли уже толстые деревья.

Странное дело - совсем не ощущалось, что это кладбище. Мы ходили меж надгробных сооружений, словно среди редкостных экспонатов в краеведческом музее. Кто знает, может быть, это мансийское кладбище существовало еще тогда, когда князь Курбский приходил с воеводами из-за Камня...

Константин Васильевич нетерпеливо ждал конца нашей работы. Он видел, что мы увлечены съемкой, и стеснялся сказать, что пора уходить. Мы и сами не хотели причинять неприятности старым манси, поэтому, закончив съемку, поспешили уйти из леса. Вышли на берег Щекурью. Вдоль берегов тянулись рощи островерхих елей вперемешку с курчавыми кедрами. Под этими темно-зелеными великанами вдоль берега тянулись кусты черемухи с краснеющими листьями.

В северных широтах с приближением осени листья черемухи почему-то первыми приобретают осеннюю окраску, уже в августе. Возможно, на это оказывает какое-то влияние вечная мерзлота. В береговых обрывах можно нередко видеть линзы стеклянно-чистого льда. И тут же растут кусты черемухи.

На реке было тихо. Зеркальная гладь отражала теплый желто-оранжевый закат. Пейзаж был очень приятным. Константин Васильевич внимательно посмотрел на воду и сказал:

- Смотрите, пошла на нерест селедка.

Мы взгляделись. Тихую гладь реки местами нарушала медленно передвигающаяся рябь, как будто на поверхность воды падали мелкие капли дождя. Было отчетливо видно, как вверх по реке стаями шла мелкая рыба. Как объяснил наш спутник, это поднималась к верховьям Щекурью знаменитая сосьвинская селедка.

Сосьвинская селедка, или по-сибирски тугун, мелкая рыбка из семейства сиговых, которая в изобилии водится в Северной Сосьве и особенно в ее притоках. За свои превосходные вкусовые качества она приобрела широкую известность не только у нас в стране, но и за границей.

Между прочим, название реки Щекурью происходит от названия рыбы шокур, которая заходит нереститься именно в эту реку. Шокур - это что-то среднее между сырком (пелядь) и муксуном. Местное население очень его ценит.

По берегу реки, часто наблюдая косяки сосьвинской селедки, мы дошли до деревни.

Константин Васильевич снова повел нас к себе в избу. Он что-то сказал своей жене. Та стала суетиться, греметь посудой, ставить самовар.

- Мы угостим вас сосьвинской селедкой, - сказал он нам.

- Может быть, не стоит? Мы сыты, спасибо...

- Что вы отказываетесь: даже Черчилль ежегодно заказывает ее тридцать два бочонка.

Не знаю, была ли это шутка, или на самом деле Черчилль делает такой заказ, но мы с Пашей согласились:

- Ну, если сам Черчилль сосьвинскую селедку ест, мы тем более должны ее попробовать.

За столом разговорились о Сибиряковском тракте. Много интересного рассказал нам Константин Васильевич. Я еще раз обратил внимание на соседний дом, на трубе которого шевелился железный флажок с датой «1885 год». По словам нашего знакомого, в этом доме помещалось управление Сибиряковским трактом, в нем неоднократно бывал и сам хозяин - Сибиряков.

В конце прошлого столетия деревня Щекурья была бойким местом на пути с Оби на Печору. Имя Сибирякова гремело на уральском севере. Это был крупный делец, богач, который энергично искал выгодные предприятия.

Вначале он старался наладить перевозки товаров с Печоры на Обь через пролив Югорский шар и Карское море, но вскоре отказался от этого. Его привлекла давно забытая дорога через Урал, по которой когда-то шел князь Курбский с воеводами. Сибиряков исследовал забытый путь через Камень, сам руководил строительством дороги, сам командовал перевозками наивыгоднейших товаров с Оби на Печору.

Сибиряковский тракт был проложен от деревни Щекурьи вдоль реки того же названия до гор, затем дорога поднималась на водораздел - Уральский хребет, спускалась к озеру, из которого берет свое начало река Патек, вдоль этой реки шла к горе Сабле, от которой направлялась к селу Аранец на Печоре.

От деревни Щекурьи в сторону гор тянулись болота, поэтому щекурьинский участок Сибиряковского тракта считался худшим. Только горные участки, прорубленные в сосновом и лиственничнокедровом лесу, имеют до сих пор вид хорошей дороги, которой и сейчас пользуются геологи.

В истории тракта определенную роль сыграл и К. Д. Носилов, который за год до Сибирякова начал обследовать пути через Уральский хребет. Зимой 1883 года он совершил переход по Щекурьинскому проходу из Саранпауля до села Аранец на Печоре и обратно. Осенью 1884 года он перешел Урал по пути князя Курбского, который был немного южнее щекурьинского направления.

Носилов встречался с Сибиряковым и дважды сопровождал его через Уральский хребет, но впоследствии сожалел, что союзом с Сибиряковым оказал «медвежью услугу» местным коренным жителям.

Через десять лет Носилов вновь посетил эти места. Среди своих прежних друзей-туземцев, которые радушно встречали его в первое посещение, он встретил совершенно изменившихся людей, разоренных и спившихся, одичалых и негостеприимных. Богач Сибиряков дал манси и хантам возможность заработать солидные деньги. Он любил скоростные перевозки. Говорят, никто на севере не перевозил свои товары так быстро, как Сибиряков. Чем быстрее доставлялись грузы с Оби на Печору, тем щедрее платил за такую перевозку хозяин. Платил, разумеется, в основном натурой-товарами, продовольствием и в первую очередь водкой.

Да, Сибиряков дал возможность туземцам заработать, но он же снабжал их водкой, опутывал сетью кабальных долгов, добился того, что они спились и обнищали. Сам же на своих перевозках заработал миллионы. Солидные капиталы заработали и местные березовские кулаки.

Сибиряков не довольствовался единственным путем от Щекурьи до Аранца и выискивал более удобные трассы южнее Саранпауля. От Няксимволя к верховьям рек Маньи и Егры-Ляги по тайге тянется просека, названная Сибиряковской дорогой, которой пользовались в

основном зимой. По этой просеке, идущей в направлении одного из древних проходов через хребет, Сибиряков также перевозил товары на реку Илыч и в верховья Печоры.

Прошли годы, от главной трассы Сибиряковского тракта осталась лишь забытая просека. В наши дни только геологи пользуются некоторыми ее участками, чтобы попасть из Саранпауля к горе Неройке, на месторождение горного хрусталя...

Мы поблагодарили Константина Васильевича. Обратившись в Саранпауль нас вез на моторке один из 68 щекуринских рыбаков. Сгустились сумерки. Над темным лесом сиял диск луны. Приятной вечерней свежестью обдавало лицо. Моторная лодка неслась по зеркалу Щекурьи, разгоняя косяки сосвинской селедки.

К УРАЛЬСКИМ АЛЬПАМ

Рано утром нас разбудил гул самолета.

- Лойко прилетел! - крикнул кто-то во дворе.

Через некоторое время в дом вошли два молодых пилота. Один из них - Дима Лойко, о котором мы много слышали. С ним его второй пилот, Толя. В экспедиции эту пару зовут асами. Про них говорят, что они самые отважные пилоты авиаотряда, которые бесстрашно летают над скалистыми вершинами Приполярного Урала и умеют садиться на крохотные площадки в горах.

- Это вы кинооператоры? - спросил Лойко.- А мы уже слышали про вас!

Мы познакомились. Разговорам не было конца. Я с интересом присматривался к пилотам, особенно к Лойко. Летающие люди мне всегда кажутся какими-то необыкновенными, несмотря на то, что сам я в войну был штурманом на боевом самолете. Перед пилотом, держащим в руках штурвал крылатой машины, я преклонялся. Нет, это необыкновенные люди! Чтобы парить в воздухе, надо обладать многими исключительными качествами.

Я с благодарностью и уважением вспоминаю теперь и отважного Диму Лойко.

Мы поспешили в штаб экспедиции, чтобы договориться о полете в горы. В штабе одобрили наше желание сначала лететь в Неройку, так как это старейшее и лучшее месторождение горного хрусталя на Приполярном Урале.

План нашего путешествия по Приполярному Уралу таков: сначала мы посещаем хрустальное месторождение под горой Неройкой, потом перелетаем в пункт Северная Народа, отсюда совершаем восхождение на гору Народную. На этой высочайшей вершине всего уральского горного кряжа мы и закончим наше путешествие вдоль Каменного пояса.

Нелегко проникнуть в горы Приполярного Урала. Сквозь тайгу и через бурные реки можно пробраться только на лошадях. Можно и самолетом попасть в самое сердце гор, но только при условии летной погоды. Летать в горах при низкой облачности опасно: сильные воздушные потоки над вершинами нередко бросают самолет вверх и вниз.

Чтобы скорее попасть в горы, мы снова пользуемся услугами этого удобнейшего современного вида транспорта. Да! Путешественники прошлого могли бы позавидовать нам:

они-то шли пешком, в лучшем случае ехали на лошадях. Много драгоценного времени тратилось зря. А в наши дни к услугам исследователей самолеты и вертолеты. Исключительно важное значение в таежных экспедициях приобрел вертолет. Он быстро доставляет естествоиспытателей в самые недоступные дебри.

День нашего отлета в горы выдался исключительно безоблачный. Снежная зубчатая стена хребта белела на горизонте. В такие дни пилоты стараются вылететь пораньше.

- Кинооператоры! Подъем! - разбудил нас Лойко.

Сборы были недолгими: у нас еще с вечера все было готово. Летчики опробовали мотор, погоняли его на разных оборотах. Когда все было готово к взлету, Лойко сказал:

- Поехали!

Пробежав немного по земле, АН-2 повис в воздухе. Дима Лойко поманил меня к себе и указал на подвесное сиденье. Я устроился между пилотами.

Впереди на горизонте виднеется заснеженная стена Каменного пояса. Отчетливо выделяется ряд вершин: острый конус горы Неройки - впереди, а правее, на севере, покатым купол прародительницы всего Урала горы Народной. В южной стороне хребта, там, где возвышается гора Тельпос-Из, снежный покров исчезает, в сизой дымке виднеются очертания пологих вершин. К северу горы становятся мощнее, скалистее и сильно покрыты снегом.

Под нами-зеленые увалы так называемого Лесного Урала. Зеленая тайга подчеркивает белизну снегов на скалистых вершинах. Все ближе и ближе подлетаем мы к величественному конусу горы Неройки, изрезанному снежными прожилками. Через двадцать минут полета совершаем посадку.

Я еще никогда не видел такого красивого альпийского Урала. У подножия островерхих гор, запорошенных снегом и увенчанных на вершинах скалами, раскинулись березовые рощи. Среди лиственных лесов темнеют шапки кедров и торчат острые пики елей. За зеленой стеной тайги шумит Щекурья. От узких и длинных снежников на склонах небольшими водопадами спускаются к реке потоки. Природа здесь напоминает Швейцарию.

Пилоты загрузили самолет тяжелыми ящиками с пьезокварцем и улетели, пожелав нам счастливого путешествия. Мы с ними еще увидимся. Через три дня они прилетят, чтобы перебросить нас в Северную Народу.

Пока мы осматривали окрестности и снимали пейзажи, прибыли кони. Оказывается, из Саранпауля по радиации сообщили о нашем прилете начальнику геологической партии Б. А. Синельникову, и он выслал за нами лошадей.

При въезде в поселок геологов наше внимание привлекают штабеля ящиков, наполненных кварцем. Около них на земле лежат прозрачные и дымчатые кристаллы-гиганты, величиной с толстое бревно. Человек едва сможет обхватить руками такой кристалл горного хрусталя.

В поселке нас принимают любезно. Борис Алексеевич Синельников приглашает в свой дом. Здесь происходит знакомство с нашими планами, и через час мы уже едем на конях в горы, к месторождению Додо. Нас сопровождает главный геолог Олег Федюкович, молодой специалист, всего несколько лет назад окончивший институт.

Дорога к месторождению идет лесом, поднимаясь в гору, к вершине Неройки. Искривленные березки постепенно редеют, лес кончается, и мы выезжаем к зоне альпийских лугов.

Удивительно высокие и сочные травы покрывают склоны. Вот где раздолье-то!

Луговой склон круто скатывался в небольшое ущелье, в котором шумел водопад. Над нами маячила красавица Неройка. Обращенная к нам сторона горы от самой вершины обрывалась отвесными скалами.

Кстати, название горы следовало бы правильно произносить по-мансийски: Ойка-Нёр. Одна из легенд говорит, что это название произошло от странной каменной фигуры среди скал на вершине горы. Фигура якобы напоминала сидящего старика, а по-мансийски старик - ойка. «Ойка-Нёр» в переводе означает «Старик-гора». Другая легенда говорит, что был когда-то оленевод по имени Ойка. Он всегда пас свой стада на склоне этой горы. Так за ней и

закрепилось название «Нёр-Ойка», которое можно перевести как «гора Ойка».

Дорога от водопада повернула вправо, на перевал. Вскоре мы были на седловине, с которой виднелись изрытые длинными траншеями склоны.

- Вот и месторождение Додо, - сказал Олег Федюкович.

Мы остановили коней на высоком обрыве, с которого открывалась широкая панорама уходящего на север горного кряжа.

- Почему такое странное название - Додо?- спросил Паша у Олега.

- Геолог Алешков, который первым обнаружил это месторождение, назвал его уменьшительным именем своего сына.

На изрытых склонах, куда мы спустились с перевала, работали молодые геологи с приборами. От одного прибора, стоящего на треноге, в разные стороны отходили провода с металлическими стержнями на концах, которые были воткнуты в землю.

Среди молодых людей были юноши с бородами. Не знаю почему, но мне симпатичны эти молодые бородачи. В городе они производили бы, возможно, смешное впечатление, но здесь, в горах и тайге, бороды, выращенные в походах, украшают их. Во всяком случае девушки не сторонятся этих молодых «старичков». Пусть геологическая молодежь несколько бравирует своими бородами, ничего плохого в этом нет.

Мы познакомились с некоторыми из молодых людей. Они оказались студентами-практикантами Ленинградского горного института. Я запомнил их имена: Женя Зырянов, Саша Веретененко, Игорь Филатьев и Лена Белорукова. Они с удовольствием согласились принять участие в киносъемке. Перед съемкой молодые геологи объяснили нам принцип действия приборов, показали весь цикл работы с ними.

Горный хрусталь, как и все прочие минералы, обладает определенным коэффициентом сопротивления. Приборы, посылая в землю импульсы электрического тока, помогают геологам регистрировать присутствие ценного минерала, определять мощность кварцевых жил.

После съемки наши молодые друзья повели нас к одной из штолен, к выходам хрусталеносных пластов. Каждый из них старался как можно подробнее рассказать о природе горного хрусталя. Мы узнали много интересного об этом полезном ископаемом.

Кварц является очень распространенным минералом. Но прозрачная бесцветная разновидность его - горный хрусталь - встречается редко. Известно несколько разновидностей прозрачного кварца: дымчатый кварц - слабоокрашенный, морион - густоокрашенный до смоляно-черного цвета, цитрин - золотисто-желтый, аметист - фиолетовый. Бывает кварц белый и розовый.

Всем известны фиолетовые кристаллы аметиста. Но, вероятно, не все знают, что это тоже кварц. Проще говоря: аметист это такой же прозрачный кварц, как и горный хрусталь, только окрашенный в фиолетовый цвет.

Какую же ценность представляет горный хрусталь, почему геологи так старательно ищут его? Оказывается, прозрачные кристаллы этого минерала обладают особым качеством, так называемым пьезоэффектом. Благодаря этому природному свойству лучшие кристаллы горного хрусталя получили весьма широкое применение в радиотехнике для изготовления пластин, стабилизирующих частоты а передающих и принимающих радиоустановках.

Горный хрусталь является ценным сырьем и для оптики. Поэтому к нему применяют общий термин - пьезооптический кварц. Для изготовления пьезооптических изделий годны только лучшие участки кристаллов, в которых отсутствуют видимые включения инородных тел, пузырьки газа и жидкости, трещины, свилю, помутнения.

Горный хрусталь применяется для изготовления всевозможных приспособлений к оптическим приборам, пластин для сахариметров, поляриметров, клиньев для поляризационных микроскопов.

Кристаллы с перечисленными выше дефектами являются низкосортными и идут для изготовления высококачественного тугоплавкого стекла. Кроме того, горный хрусталь и его окрашенные разновидности находят применение в гранильно-ювелирном деле.

Следовательно, прозрачные кристаллы кварца по своему назначению распределяются на виды: пьезокварц, оптический кварц, кварц для плавки и кварц для огранки. Столь широкое использование горного хрусталя сделало этот минерал очень ценным для промышленности.

На обнаженных выходах кварцевых жил, которые демонстрировали нам молодые геологи, было видно, как залегает горный хрусталь. Массивные жилы белого кварца тянулись в толще гранитов. Геологи стараются обнажить такую жилу, чтобы обнаружить в ней хрустальное гнездо. Нелегко определить, в какой части жилы находятся гнезда с кристаллами горного хрусталя.

Около хрусталеносных полостей, которые имеют вид линз, удлиненных в направлении жилы, кварц становится более крупнозернистым, постепенно переходит в кристалл хрусталя. Эта особенность дает право изыскателям предполагать, что образование кристаллов является непосредственным продолжением процесса образования жильного кварца. В одной жиле может быть несколько хрустальных гнезд, которые называют зародышами, погребками, карманами, пещерами. Гнезда обычно заполнены льдом в результате вечной мерзлоты. Кристаллы сидят или непосредственно на стенках гнезда или на тонкой оболочке белого жильного кварца.

Извлекают горный хрусталь из жил вручную. Геологи осторожно, чтобы не произвести механических повреждений, отбивают от стенок гнезд прозрачные кристаллы. Чем бережнее обращаться с минералом, тем больше из него выйдет пьезооптических изделий.

Затем происходит так называемый процесс обогащения. При этом отбивают от кристаллов только явно негодные части: белые, мутные, сильно потрескавшиеся. Тут же распределяют кварц по качеству: на пьезооптические изделия, на плавку для химической огнеупорной посуды и на огранку. Более тщательному обогащению горный хрусталь подвергается уже на заводах.

Еще много кварцевых жил предстоит исследовать геологам. Но все ли они будут хрусталеносными - это трудно определить заранее. Одно можно сказать с уверенностью, что в недрах Приполярного Урала еще таятся неразведанные сокровища и все они рано или поздно будут выявлены разведчиками природных кладов. В это большое дело вкладывают долю своего труда и наши молодые друзья из Ленинградского горного института.

Вечер мы провели в веселом молодом обществе. Был устроен неплохой ужин. И подумать только: совсем не чувствовалось, что мы находились в глубине гор Приполярного Урала, на безлесных склонах Неройки, вдали от населенных пунктов.

* * *

На другой день геологи повели нас на один из отрогов Неройки, возвышающихся над месторождением Додо. Это было наше первое серьезное восхождение. С непривычки подъем был долгим и нелегким. Мы вышли к вершине гребня, с которого был виден почти весь скалистый Урал - мощный горный кряж с острыми снежными пиками, уходящий далеко на северо-восток. Это был костяк всего Приполярного Урала. Внизу тянулась долина реки Паток. За горной грядой на северо-западе особенно выделялись острые заснеженные вершины какой-то горы. Показывая рукой на эти далекие шпили, Олег Федюкович сказал:

- Сабля - одна из красивейших гор Приполярного Урала.

Сабля своей альпийской красотой привлекает многочисленных туристов. Названа она так за клинообразный, острый горный гребень. Хребет Сабля отличается ярко выраженным альпийским рельефом. На эту гору в свое время поднимались русские ученые А. Кейзерлинг и Э. Гофман. Экспедиция, которую возглавлял Э. Гофман, в 1850 году впервые установила, что Уральский хребет не всюду тянется вдоль меридиана, как это считалось раньше, что к северу от горы Сабли он меняет свое меридиональное направление на северо-восточное. Было установлено, что в месте поворота хребет поднимается до наибольших абсолютных высот, ранее не известных науке.

Э. Гофман писал: «Несмотря на свою незначительную высоту, Северный Урал имеет альпийскую наружность, которую сообщает ему обрывистость его зубчатых скал...»

«Альпийская наружность» Приполярного Урала, который в свое время Э. Гофман называл Северным, была замечена многими позднейшими исследователями. Некоторые ученые стали применять к Приполярному Уралу термины: печорские Альпы, уральские Альпы. Последнее название более утвердилось среди научных работников.

По почину геолога А. Н. Алешкова северную часть Северного Урала стали официально называть Приполярным Уралом. В 1929 году Алешков на горе Сабле обнаружил ледники. Самый крупный из них он назвал именем Э. Гофмана. Однако Гофман, будучи на горе, не увидел ледников и вообще считал, что, несмотря на суровость климата, Урал даже в самой высокой своей части не имеет на вершинах вечных снегов и ледников.

В 1908 году экспедиция, руководимая А. Б. Журавским, посетила северную часть хребта Сабли и тоже не увидела ледников. А сам Журавский утверждал, что на Урале ледников «нет совершенно». В этом были убеждены многие исследователи. Однако местные оленеводы давно знали о существовании в горах Урала вечного снега и льда и рассказывали: «Есть у нас на Камне места, где снег никогда не тает и там уже не снег, а такой твердый лед, что его только топор берет, а снега и льда не видно, потому что они сверху завалены мелкими камнями...»

Находки первых ледников послужили поводом к организации в 1932 году Уральской ледниковой экспедиции, которая обследовала ледники Сабли и района горы Народной. Эта экспедиция открыла шестнадцать новых ледников. В дальнейшем их обнаруживалось все больше. Были также найдены ледники в районах гор Манси-Нёр, Хаймы, Манараги, хребтов Саледы и Малды.

Геолог Алешков первым нашел горный хрусталь. В 1934-1935 годах он производил исследования в районе гор Неройка и Сураиза. В результате геологической разведки была установлена возможность добычи горного хрусталя. В 1936 году развернула промышленную добычу пьезокварца Полярно-Уральская экспедиция, деятельность которой продолжается и в настоящее время.

Месторождение Додо, как уже было сказано выше, открыл А. Н. Алешков. Старейшее на Приполярном Урале, оно до сих пор является одним из лучших. Много тонн драгоценного сырья отправлено отсюда промышленности.

С отрогов неройского гребня мы обозревали всю панораму месторождения. Сверху хорошо были видны изрытые траншеями склоны. Сколько человеческого труда потрачено для того, чтобы в поисках сокровищ проникнуть в глубь земли!

В горах стояла тишина. Порывы слабого ветра приносили отдаленный гул.

- Самолет летит, - сказал, прислушиваясь, Павел. Все стали шарить по небу глазами.

- Вот он!

Высоко над горами медленно плыл завсегда таежных мест, самолет АН-2. Маленькая черная точка висела над грозными скалистыми вершинами. Видеть бы эту картину князю Курбскому! Посмотрел бы он, как «ходят» теперь через Камень его далекие потомки.

- Это Лойко летит из Печоры, - сказал Олег, - Завтра будет здесь.

Ночь перед прилетом Лойки была тревожная. Мы несколько раз выходили из избушки, смотрели на небо: не испортилась ли погода. При низкой облачности Лойко не прилетит, и тогда мы надолго застрянем в горах. Но небо сияло звездами, похоже было на то, что день будет безоблачный.

НАД ВЫСОЧАЙШИМИ ВЕРШИНАМИ УРАЛА

Как только первые лучи солнца осветили вершину Неройки, мы - на ногах. Под окном уже слышен топот копыт и пофыркивание коней. Паша помогает конюху навьючивать животных, я убегаю на посадочную площадку, чтобы задержать Лойко, если он прилетит задолго до прихода лошадей с грузами.

Я устроился с кинокамерой в том месте, где обычно приземляется самолет, и ждал. Вот между вершинами гор появилась желанная точка, которая быстро приближалась. Проходят считанные секунды, и самолет АН-2, сделав «козла», совершает посадку. Машина заруливает к нашим ящикам. Лойко из кабины машет мне рукой и кричит:

- Зачем «козла» снимал? Вырежь!

Пока летчики делают перекур, устраиваем маленькое совещание о нашем маршруте.

- Полетим в Народу? - спрашивает Лойко.

- Да. Но хотелось бы попросить тебя пройти и мимо Сабли. Заснять ее нужно сверху.

Лойко, прищурясь, смотрит на небо, на горизонт в западной стороне и говорит:

- Ну что ж, погода сегодня отменная, пожалуй, можно заглянуть и к Сабле.

Договариваемся о маршруте в целом: Лойко подлетает к восточной стороне хребта Сабля, несколько минут летит вдоль него, мы в это время снимаем; потом направляемся к горе Народной, облетаем ее вершину и садимся в Северной Народу.

- Согласен, - сказал Дима.

Через несколько минут я сидел на подвесном сиденье между пилотами и снова слышал знакомое: «Поехали!» И вот уже под нами проскочил лесистый обрыв реки Щекурьи. Я с восхищением посмотрел на Лойко, крепко держащего обеими руками Штурвал. Сколько воли и бесстрашия выражало его серьезное лицо в эти минуты! Он заметил мой взгляд, улыбнулся, подмигнул мне, и лицо его снова приняло серьезное выражение.

Правее и гораздо выше нас проплывали скалистые отроги неройского гребня. Впереди преграждала нам путь гора с останцами на вершине. Отворачивая от нее вправо, над долиной реки, Лойко постепенно набирал высоту. Через минуту мы развернулись над лесными увалами и взяли курс на северо-запад. Зеленый лесной ковер под нами был испещрен желтеющими деревьями - тайгу обдало первым дыханием приближающейся осени.

Вершина Неройки была теперь значительно ниже нас, за ней к северу тянулась гряда гор. Впереди, за долиной реки Большой Паток, на западном краю хребта отчетливо виднелась гора Сабля с характерными зубринами на вершине. Пролетая над Неройкой, пилот показал на домики геологического поселка, крошечными кубиками раскинувшегося в долине Щекурьи.

Вскоре мы приблизились к островерхой горе. Гребень Сабли представлял собой внушительный горный массив и поднимался в небо несколькими острыми вершинами. На западе гора круто обрывалась к печорской низменности. По отвесному склону прямой линией тянулась граница снегов.

Павел вручил мне готовую к съемке камеру. Лойко передал управление второму пилоту Толе, открыл форточку и дал возможность заснять вершину Сабля. Толя изменил курс, и мы

полетели вдоль восточного склона горы.

Пики, острые гребни, отвесные скалы - все это запорошено снегом, а внизу - черная тайга. Мы любуемся вершиной Сабли. Вот она, «королева» уральских Альп! Как не похожа красавица Сабля на своих далеких уральских родственниц-горы Среднего Урала!.. Это ее острые шпили привлекли внимание первых исследователей Северного Урала А. Кейзерлинга и Э. Гофмана.

Дима Лойко показал мне на огромные снежные поляны, спускающиеся по расщелинам между скал. Одна из них выглядела особенно внушительно. Летчик наклонился к моему уху и громко сказал:

- Ледник Гофмана!

В это время самолет сильно подбросило восходящим потоком. Лойко схватил штурвал и стал помогать второму пилоту. Резкими рывками самолет стало бросать то вверх, то вниз. Выровняв машину, Лойко снова наклонился к моему уху:

- Здесь всегда сильно бросает: гнездо ветров!:

Самолет вздрагивал, словно по нему ударяли чем-то тяжелым. Спустя некоторое время Дима наклонился ко мне опять:

- Долго быть над Саблей опасно! Полетим к Народной!

С воздуха было хорошо видно, как от Сабли Уральский хребет изменял меридиональное направление и всей своей горной лавиной резко поворачивал на северо-восток. В месте изгиба громоздились самые высокие точки Урала - гора Колокольня, гора Манарага, гора Карпинского, гора Народная и другие.

Пилот направил машину на северо-восток.

Мы летим словно над замерзшим морем. Взлетевшие вверх волны так и застыли острыми гребнями. Между ними извивается зеленая долина реки, врезающаяся в самую гущу снежных гор. Это долина Вангыра. Среди гребней особенно выделяются вершина Колокольни и гвоздеобразный шпиль Манараги. Мы пролетаем правее их. По мере нашего перемещения шпиль Манараги заметно изменяет свои очертания и приобретает вид медвежьей лапы. За это гора и получила название «Манарага», что по-ненецки означает «медвежья лапа».

Впереди снежные горы застилают весь горизонт. Вершины их приобретают все более неприступный вид. Здесь хребты высокогорной зоны образуют костяк всего Приполярного Урала и достигают максимальных высот. Я наклоняюсь к Лойко:

- Не верится, что это Урал!

- Да, это почти Кавказ!

- Уральские Альпы!

Кое-где на дне котловин виднелись высокогорные озера округлой формы, наполненные бирюзовой водой. Наш «Антон» парит над хребтами с тонкими гребнями, тянущимися по вершинам, как по горбу доисторического гигантского ящера стегозабра. Мы приближаемся к истокам речки Хобе-Ю, где поднимается хребет Неприступный, увенчанный невысокими гребешками и вершинками. Высота этого внушительного горного массива 1650-1800 метров.

Пролетев долину Хобе-Ю, Лойко развернул самолет строго на север.

- Скоро Народная!

Среди однообразного горного ландшафта гора как будто ничем не выделялась.

- Вот она! - показал пилот на куполообразную вершину.

Я, признаться, был даже разочарован - столь невыразительной выглядела самая главная вершина Урала. Воображение рисовало ее необычной, чем-то выдающейся и не похожей на другие горы. Ведь она самая высокая среди других гор Уральского хребта!

С нашего направления вид на гору был самый невыгодный: она освещалась, как говорят кинооператоры, «лобовым» светом, который скрадывал рельеф. Эту вершину лучше было заснять при боковом освещении.

- Облетим ее, Дима! - попросил я пилота я показал на приготовленную кинокамеру.

Лойко кивнул.

Через минуту, когда мы оказались почти над Народной, нашим глазам предстал

совершенно иной рельеф: на юго-запад гора обрывалась отвесной, не освещенной солнцем стеной, выявился четкий острый гребень, тянущийся к вершине. На отвесной теневой стороне было меньше снега. По соседству с Народной возвышалась другая внушительная вершина - гора Карпинского. На дне котловины, разделяющей гору Народную и гору Карпинского, виднелись два удивительно голубых озера.

Я перебираюсь на сиденье второго пилота, открываю форточку и снимаю Народную. Павел подает мне то одну, то другую кинокамеру.

Закончив облет вершины Народной, мы направляемся к горе с длинным острым гребнем. Она удивительно походит на перевернутую кверху дном лодку. Проносимся над самым ее гребнем и садимся в долине.

Рядом шумит река Народа, по ее долине тянется лиственничный лес вперемешку с могучими кедрами. Над рекой склонилась свою огромную голову-шлем гора Чёндер. Вдали ослепительно белеют снежные горы. Мы находимся у геологической базы Северная Народа.

НА ВЕРШИНУ ГОРЫ НАРОДНОЙ

Попасть в центральную часть Приполярного Урала и не предпринять восхождения на высшую точку Каменного пояса - это преступление.

Именно с такими мыслями мы прибыли в геологическую базу Северная Народа. Уехать отсюда и не побывать на Народной?! Нет, это невозможно! Нужно приложить все усилия, чтобы организовать поход на гору. Да и расстояние до Народной ничтожное - всего восемнадцать километров.

Туристам осуществить этот поход легче: сговорились, снарядились, рюкзаки на плечи - и пошли. Нам труднее: у нас киноаппаратура, ее нужно везти на оленях или на конях. Нужны для съемки и люди. Одним словом, наше восхождение не должно иметь только экскурсионный характер. Мы обязаны произвести киносъемку восхождения, заснять сердце уральских снежных гор для того, чтобы зрители могли увидеть на экране один из альпийских уголков Приполярного Урала со своей «матерью»- горой Народной.

Нас приютили в главной квартире геологической базы. За стеной живет начальник базы - Алексей Никитич Глуховец. На нашу просьбу он раздраженно отвечает:

- Да нет у нас для этого дела коней! Хрусталь вывозить не хватает транспорта, а тут еще вы со своей киносъемкой.

Мы, конечно, огорчены таким ответом, но понимаем, что Глуховец по-своему прав. Терпеливо ждем и, чтобы не терять времени, знакомимся с местностью, снимаем пейзажи в окрестностях.

Геологическая база расположена в среднем течении одного из небольших притоков реки Народы. Со всех сторон она окружена горами. Над поселком с запада высится длинная гора Малый Чёндер. С севера база заслонена горной грядой, в которой особенно выделяется остроконечная вершина Лезвие. С востока дома прикрывает один из отрогов горы Гранитной.

Вблизи Северной Народы находится водораздел. Достаточно подняться к

месторождению Гранитному, расположенному в пяти километрах, и вы попадаете на границу между Европой и Азией. Причем Европа оказывается в стороне севера, а

Азия в стороне юга. На водоразделе есть участки, где в Европу вы пойдете прямо на восток(!).

База находится в котловине, защищенной от северных ветров каменной стеной гор. Здесь можно часто наблюдать такую картину: над северными горными хребтами водораздела клубятся гигантские валы темных туч, а в котловине Северной Народы стоит теплая солнечная погода.

Изменяя свое меридиональное направление на северо-восточное, горная гряда Приполярного Урала образует здесь дугу - гигантский амфитеатр, благодаря которому район, простирающийся к востоку от горы Народной, защищен высокими горными цепями от западных, северо-западных и северных ветров, приносящих плохую погоду. Хребет на этом месте является своеобразной климатической границей. Южные склоны гор этой части Приполярного Урала имеют более благоприятные климатические условия, чем северные, поэтому тайга по долинам рек, особенно по долине реки Народы, проникает с юга высоко в горы, почти к самой границе снегов.

По наблюдениям А. Н. Алешкова и Л. Д. Долгушина, климат Приполярного Урала, особенно на водоразделе рек Болбан-Ю и Народы, очень своеобразен, условия погоды крайне изменчивы: на западном склоне - дождь, снег и метель; на восточном в то же время - ясная теплая погода. От каждого крупного дождя, реки в верховьях сильно вздуваются, превращаясь в непроходимые бурные потоки, но как только прекращается непогода, уровень воды в них резко спадает.

Бывают годы, когда снежинки на горах совсем стаивают, ледники сильно уменьшаются, уровень озер снижается. Многие ручьи и болота совершен-но пересыхают. Но часто бывает и другая картина: в середине июля все горы покрываются вдруг снегом и он уже не тает до зимы. Метели зимой иногда бывают такие сильные, что ледники покрываются толстым слоем снега и не обнажаются все лето.

Соседство пышной тайги и снежных гор - обычная «альпийская» картина на Приполярном Урале. В связи с этим своеобразен здесь и животный мир. В тайге на склонах обитают типичные таежные животные, такие, как лось, медведь и другие. Зимой здесь можно встретить представителя арктической фауны - песца, которого нередко добывают саранпаульские охотники. Очень интересно и загадочно распространение на Приполярном Урале маленького грызуна пищухи, который обитает к востоку от реки Енисея и совершенно не обнаружен в пространствах между Енисеем и Уралом. Каким образом попал этот маленький зверек в горы Приполярного, Урала?

Все это мы узнали, пока ждали коней, которых все-таки обещал нам Глуховец. Побывали на месторождении Гранитном, на склонах горы Лезвие и засняли много интересных пейзажей. Наше внимание привлекли две палатки, стоящие на берегу реки Народы. В них жили научные работники из Сыктывкара Генрих Симаков и Владимир Хлыбов. Они с радостью согласились стать нашими попутчиками и проводниками на вершину Народной: район их геологических исследований сосредоточен как раз под самой горой, в верховьях ручья Карпин-Шор. К нам присоединился молодой корреспондент одного из московских журналов. Некоторые из геологов завидуют: было бы у них свободное время, они вместе с нами пошли бы на Народную. Начальник ревизионно-тематической партии Дмитрий Сергеевич Образцов искренне пожалел:

- Если бы не плановая поездка на месторождение Пеленгичей, с удовольствием присоединился бы к вам.

Похоже на то, что и сам Глуховец не прочь прогуляться с нами до вершины Народной, если бы на базе можно было кого-то оставить заместителем. Совершенно неожиданно однажды утром он приводит к нам молодого парня и объявляет:

- Знакомьтесь: это Володя. Он поведет вас к Народной. Четырех лошадей вам хватит? Больше дать не могу.

- Хватит, хватит! - поспешили ответить мы.

Наше снаряжение давно готово. Володя уходит ловить пасущихся лошадей. Мы готовим и укладываем небольшой продовольственный запас: несколько банок тушенки и сгущенного молока, брикеты гречневой каши, масло и пять-шесть буханок хлеба - это на три-четыре дня. Наши друзья из Сыктывкара, кроме хлеба, чая и сахара, ничего не-берут.

- Голубики под Народной навалом! А в озерах половим хариусов.

Ах, этот прославленный хариус! Вся многочисленная армия таежных путешественников с восторгом отзывается об этой замечательной рыбе, которую не только есть, но и ловить - одно удовольствие.

Во второй половине дня выходим. Нас шестеро: проводник Володя, мы с Павлом, двое геологов из Сыктывкара и корреспондент. Четыре километра идем по речке Северной Народе, потом сворачиваем вправо, на реку Народу, которая прокладывает себе путь в широких воротах, образованных скальными обрывами двух гор - Большого и Малого Чёндера, в так называемых Чёндерских воротах.

Особенно привлекателен Большой Чёндер. Он странным образом походит на каску пожарного. Его закругленная вершина обрывается отвесной скалой в несколько десятков метров. От скалы к самой реке спускается крутая осыпь хаотически нагроможденных камней.

Тропа ведет нас под самый Чёндер. Народа, сжатая крутыми берегами, бушует и ревет между глыбами, лежащими в ее русле. Идем то по каменным россыпям, то среди высокой сочной травы, то углубляемся в труднопроходимую тайгу. Чем выше поднимаемся, тем заметнее приближение осени: листья голубики стали малиновыми, березняк начинает желтеть. На отдельных лиственницах заметна желтеющая хвоя.

Чёндерские ворота остаются позади. Ближится вечер, опустившееся к горам солнце светит нам в лицо. Тайга заметно редее, лиственницы становятся низкорослыми, редкие кедры среди них выглядят богатырями. Мы перешли почти высохший ручей, вытекающий справа, и впереди блеснула водная гладь озер. Солнечные лучи последний раз сверкнули на воде, и дневное светило скрылось за горы. Наступили сумерки.

На привал остановились у подножья плато, над которым возвышается Народная. Перед нашей стоянкой большое озеро, а за ним расположены цепочкой еще несколько озер. Река Народа широкими шумными каскадами стекает из озера в озеро. Вдали стоит стеной горный заснеженный кряж с вершиной Манси-Нёр.

Один из сыктывкарцев, Володя Хлыбов, готовит удочки.

- Я от тушенки отказываюсь. Она у меня вот здесь застряла. - Он провел ладонью по горлу.- Кто со мной?

Он повел меня туда, где речка широкой бурлящей лентой спускается в озеро. Кристально чистая и холодная вода - приют хариусов. Другой рыбы здесь нет. У озера то и дело слышны всплески - это хариус ловит в воздухе мошкару и комаров.

Хариус здесь называется полярным. Он похож на сибирского, имеет разукрашенный хребтовый плавник. Только полярный хариус более темный, чем его сибирский родственник.

Нам потребовалось совсем немного времени, чтобы буквально надергать несколько десятков рыб. На берегу уже забелели палатки, запылал костер. Свет заходящего солнца долго держался на снежной вершине Манси-Нёр, потом угас. Небо над нами покрылось звездами. Мы вернулись с солидным уловом.

Вскоре над костром висел котелок с ухой. Несколько хариусов Володя разрезал на куски, посыпал солью и, сделав грациозный жест, сказал:

- Не угодно ли перед ухой испробовать сырой рыбки. Хариус по-любительски!

Павел скорчил гримасу, корреспондент сделал удивленные глаза. Только Генрих Симаков и про-водник бодро заявили:

- С удовольствием!

Мне приходилось пробовать сырого хариуса в тунгусской тайге, у эвенков. Поэтому и я присоединился к трапезе. Мы с аппетитом уплетали куски сырой рыбы с солью, вприкуску с хлебом.

Мой знакомый эвенк с далекой Подкаменной Тунгуски, Андрей Дженкоуль, приучил меня есть сырого хариуса. Он говорил мне: «Ешь сырую рыбу. Полезно. Мы, эвенки, никогда не варим хариуса, только печем на костре или засаливаем. После варки рыба - бесполезный продукт, все витамины в ее мясе вывариваются. Это очень важно в начале лета, когда в лесу еще нет ягод, когда дичь в тайге затаивается и выводит, потомство, - сырая рыба, и особенно хариус, является в это время основной пищей, содержащей витамины».

Что ж, все это, наверно, правильно. Но увлекаться сырой рыбой, конечно, не следует. Нельзя ведь забывать и о желудочных заболеваниях...

- Отбой! - скомандовал Генрих Симаков, и все разошлись по палаткам.

Пылал костер. Кругом стояла мертвая тишина. Только потрескивали сучья, объятые пламенем. Над горами в небе сверкали звезды. В темноте белела снежная громада горы Манси-Нёр.

* * *

Лагерь спал. Я открыл полог палатки и замер от удивительного зрелища: снег на горе Манси-Нёр был малиновым. Снежная вершина первой встречала солнце, встающее из-за горизонта. Я вылез из спального мешка и стал готовить кинокамеру.

Едва успел установить аппарат, как малиновый тон снега на горах изменился на светло-оранжевый. Долина Народы была еще в сизовой предрассветной дымке. Стояла такая тишина, какая бывает только ранним утром. От потухшего костра вертикально поднималась слабая струйка дыма.

Солнечный свет медленно скользил по снежным вершинам и опускался в долину. Вот он уже заиграл на верхушках лиственниц. Внезапно осветилась вся речная низина и наш лагерь. Земля вокруг лагеря была покрыта инеем, который под солнечными лучами быстро превращался в росу. Я ходил по мокрой траве и любовался удивительной картиной: трава и кустики голубики были сплошь усеяны капельками росы, словно стеклянным бисером. Каждая росинка играла в солнечных лучах всеми цветами радуги.

Возле палаток горело бесчисленное множество сверкающих разноцветных «фонариков». Я с удивлением замечал, что по мере моего движения «фонарики» изменяли свою окраску. Мне хотелось запечатлеть это на киноленту. Я ползал на коленях по мокрой траве, выбирал наиболее густо усеянные росой травинки и снимал «фонарики».

Вскоре вылезли из палаток и другие участники нашего похода. Стали готовиться. Проводник Володя остается в лагере стеречь коней. К вершине поведут нас геологи. Мы позавтракали, собрали все необходимое для кино съемки и начали восхождение. Преодолев небольшой крутой склон, вышли на нагорную террасу. Она возвышалась над долиной бурного ручья, текущего в узкой теснине, со склона горы Народной. Это был роскошный горный луг. Здесь так же, как и внизу, вся трава была усыпана росинками, играющими на солнце разноцветными огнями.

Продолжая подъем, мы вышли на широкое нагорное плато с нагромождениями каменных глыб - курумами, как называют их ученые. Незаметно из-за россыпей показалась белая шапка куполообразной горы.

- Вот она, Народная, - показал геологическим молотком в сторону горы Генрих Симаков.

Мы вышли на возвышенное место, с которого перед нами открылась снизу доверху покрытая снегом Народная. К вершине вели два гребня. Кажется, что до горы рукой подать, но Володя Хлыбов говорит:

- Еще пять километров!

Погода исключительно благоприятствует нам. На небе ни единого облачка. Ослепительно блестят на вершине снега. К полудню проходим нагорное плато. После этого начинаем подъем на левый гребень Народной. Чем выше, тем круче становится склон. Скоро начинает чувствоваться усталость. Не мудрено: за плечами киноаппаратура. Часто

останавливаемся, отдыхаем.

Прошел, вероятно, не один час, прежде чем мы приблизились к вершине. Над ней появились облака. Это плохой предвестник. Тревога вкралась в мою операторскую душу. Надо спешить!

В несколько этапов мы преодолеваем подъем и выходим к деревянной вышке, установленной на вершине. «Ура» не кричим, потому что устали. Наконец-то мы на Народной! На высшей точке всего Урала! Весь Каменный пояс теперь у нас под ногами!

Гордо оглядываем всю панораму снежных гор, которые тянутся до самого горизонта. Вот оно - альпийское сердце Приполярного Урала! Легко понять ученых прошлого, которые никогда не видели таких уголков на Урале и поэтому отрицали существование здесь снежных гор.

Ведь было время, когда высшей точкой всего Урала считали гору Тельпос-Из. Лишь в результате топографической съемки Северо-Уральской экспедиции в 1927 году были обнаружены вершины более значительной высоты: гора Народная- 1883, гора Карпинского - 1793, гора Манси-Нёр-1772 метра над уровнем моря. В последнее время высота горы Народной была измерена более тщательно. Она составляет 1894 метра.

Под нами гора Манси-Нёр с одним из мощных ледников. У подножья ледника чернеет круглое озеро.

Отчетливо видна среди снега дорожка реки Народы, вытекающей откуда-то, как нам показалось, из-под самой горы. Река течет в широкой долине и поворачивает за гребень, за которым остался наш лагерь.

Возможно, этой-то долине гора и обязана своим названием. Вообще же о происхождении названия горы Народной существуют две легенды. Первая легенда довольно прозаического характера, говорит о том, что в широкую долину реки под горой в определенное время года сгоняли многочисленные стада оленей. Оленеводы со своими семьями перекочевывали сюда на все лето. Многолюдно было под горой, оттого и пошло название Народная.

Другая легенда более поэтична. Она объясняет, происхождение названия горы от слова «народить». На языке коми гора называется Народа, и считается, что она «народила» все остальные горы, весь Урал, так как она выше всех. Какая из этих легенд правильная-трудно судить, но мне нравится вторая. Действительно, гора Народная господствует над всем Каменным поясом. Это она, как мать, «народила» все остальные горы, она - прародительница всего Урала.

С запада к нам приближалась непогода. Уже тонула в темной дымке «медвежья лапа» на вершине Манараги. Над горой Карпинского, находящейся рядом с Народной, нависли свинцовые тучи. Геологи распрощались с нами и стали спускаться к голубому озеру у подножия горы Карпинского, чтобы от него пойти по ручью Карпин-Шор в Северную Народу.

Корреспондент уходит по гребню в сторону лагеря. Мы с Павлом остаемся на вершине, чтобы заснять панораму снежных гор. Засвистел ветер. Заметно стало темнеть. Похолодало. Мы собрали киноснаряжение и по крутому снежному склону стали спускаться. Проваливались по пояс, с размаху влетали в замаскированные снегом трещины. Бывали опасные моменты: ноги застревали между камнями. Два часа мучительного спуска по глубокому снегу, среди сплошных каменных россыпей. Взбираться в гору куда легче!

Долго еще шли по снежникам нагорного плато, пока не попали на сухие каменные россыпи с зелеными лужайками между ними. Неожиданно из-за камней выскочила стая горных куропаток. Выводок был уже взрослым. Подросших птенцов можно было отличить от мамаш только по голосу. Она «объяснялась» густым контральто, а птенцы пищали.

Вся стая отбежала от нас не более чем на три метра. Птицы, вытянув шеи, с любопытством наблюдали за нами.

- А что если, это самое... перебить их всех? Неплохой будет ужин! - прошипел Павел.

Продолжая следить за сбившимися в кучу птицами, я думал: «Да, из куропаток получился бы неплохой ужин. Но почему моему помощнику приходит в голову именно браконьерская мысль? Неужели любить природу можно только с позиции вкусного ужина!»

- Мы будем их снимать, - сказал я и стал доставать кинокамеру.
- Разве получится что-нибудь на пленке? Сейчас же темно!
- Для этого существует светосильная оптика и замедленный ход кинокамеры.

Было действительно темно. Но я стал снимать куропаток. Пусть ничего не получится, но птицы должны остаться живыми! Наступая на них вплотную, я умышленно разогнал выводок. Теперь можно идти дальше.

Было совсем темно, когда мы подошли к обрыву плато. Внизу, у озера, горели три костра, среди наших палаток белели еще две. Мы спустились и узнали, что рядом с нашим лагерем разместились ленинградские туристы.

Этой ночью в лагере было многолюдно. Группа туристов состояла из десяти человек. Мы познакомились и большой компанией сидели вокруг костра, пили чай, беседовали.

Путь ленинградских туристов начинался от станции Косью. От этой станции, расположенной вблизи гор, туристы пошли вверх по реке Косью, которая привела их в глубь хребта, к подножию одной из красивейших гор Приполярного Урала-!

Манараги. Поэтому реку Косью называют еще и Манарагой.

В верховьях этой реки находится перевал, через который можно перейти к истокам реки Народы, к подножию горы Народной. По реке туристы идут до базы Северная Народа, от базы через водораздел к истокам реки Пеленгичей, по ней на реку Балбан-Ю, которая выходит к реке Кожим. На реке Кожим строят плот и плывут на нем по таежной речке, вкушая все прелести водного путешествия. Там, где реку пересекает Воркутинская железная дорога, находится станция Кожим. На ней и заканчивается маршрут.

Поздно ночью начался дождь. Мы разбежались по палаткам. До рассвета было слышно, как ударяли капли о брезент. Река Народа ревела на каскадах перед озером. Дождь не переставал и днем, но туристы собрались в путь. Накрывшись целлофановыми накидками, они гуськом уходили вниз по Народе. На спине у каждого висел объемистый рюкзак. В белых накидках туристы странным образом походили на лебедей.

Мы навьючиваем лошадей и уходим следом за ними.

Сразу же за лагерем дорогу преградил бурный ручей, который еще вчера был почти высохшим. Туристы перешли его цепочкой, взявшись за руки. Это была довольно рискованная переправа. Мы садимся на крупы лошадей сзади вьюков и таким способом намереваемся перебраться через бушующий поток. Больше беспокоимся за кинокамеру и пленку: вода может погубить драгоценный груз. Специально не садимся на ту лошадь, которая навьючена съемочной аппаратурой.

Под двойной тяжестью лошади очень осторожно и неуверенно ступают между камнями. Сорвешься с крупы коня - и унесет тебя потоком, исколотит о камни. Если падать, так падать вместе с конем и крепко держаться за него.

Шаг за шагом - все ближе к берегу. Конь, нагруженный аппаратом и пленкой, о что-то спотыкается и падает в воду, большой вал накрывает его с головой. Но крепкая узда, привязанная за вьючное седло передней лошади, сдерживает упавшего коня. Несколькими рывками он поднимается на ноги и выскакивает на берег.

Мы быстро скидываем вьюки и обнаруживаем, что вода замочила аппарат и кассеты только снаружи. Дешево отделались! Шутка ли - загубить весь снятый материал, который достался ценой стольких трудов! Пропало бы все: рассвет в горах, цветные «фонарики» росы, подъем на Народную и панорамы Приполярного Урала с ее вершины. В операторской работе это совершенно непоправимое несчастье.

Довольные благополучной переправой, мы шествуем дальше. Вдали цепочкой идут туристы, нам слышны их голоса. Снова проходим Чёндерские ворота и поздно вечером прибываем на базу Северная Народа.

* * *

Мы уезжали со станции Кожим в вагоне поезда Воркута - Москва. За окном, слева, тянулась цепь гор с острыми гребнями. Горы блестели на солнце снежными гранями. Их белые громады поднимались над осенней пожелтевшей тайгой. Это было

красиво и величественно, чем-то напоминало картины американского художника Рокуэлла Кента.

Но вот стена заснеженных гор круто повернула на юг. Последний раз мы увидели вдали, на изгибе хребта, гору Саблю. От нее хребет уходил по меридиану к южным широтам. Белая горная гряда все дальше удалялась от нас, становилась все меньше и меньше, словно таяла, и, наконец, исчезла, сравнялась с линией горизонта.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начало маршрута – Качканар
Города Уральского Севера
Над Заповедной горой
В дебри лесного Урала
К священной горе
Экскурс в прошлое
На горизонте – снежные горы
История Сибиряковского тракта
К уральским Альпам
Над высочайшими вершинами Урала
На вершину горы Народной